БЛАЖЕННАЯ КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

БЛАЖЕННАЯ КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

Современные чудеса. Житие. Акафист

Москва
1994

Ксения Петербургская
Сост. Л. Яковлева
Художник А. Волошин

Эта книга повествует о тайне судьбы блаженной Ксении – одной из самых почитаемых русских Святых, Небесной Заступнице всех страждущих утешения и исцеления. Народная молва бережно хранит рассказы о молитвенной помощи Ксении всем притекающим к ней – уже в наши дни. Слава ее растет, летит по белу свету, не зная границ и расстояний. Часовня, выстроенная над могилой св.Ксении на Смоленском кладбище в Петербурге – центр притяжения «страждущих и обремененных» не только со всех концов земли Русской, но и со всего света.

Прочитай эту книгу, распахни душу блаженной Ксении, и ... по вере твоей да воздастся тебе!

Книга выпущена при содействии «Союза русских учителей».

Лицензия ЛР № 060743 от 21.02.92.

Подписано в печать 17.02.94. Формат 84x108/32.
Бумага газетная. Гарнитура „Таймс". Усл. печ. л. 5.
Тираж 30000 экз. Заказ № 525. Цена договорная.

МП „Весть". Москва, Новодмитровская ул., 5а.

Московская типография № 6
Комитета Российской Федерации по печати,
109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.

ISBN 5-87575-001-4

Людмила Яковлева

СВЕТЛЫЙ ЛИК КСЕНИИ

...Тайна судьбы блаженной Ксении. Ей уже больше двух столетий. Дерзнет ли кто разгадать ее?

Впервые о ней заговорили в середине XIX века. В 1847 году на страницах «Ведомостей Санкт-Петербургской городской полиции» появилась заметка: «Лет сорок или, быть может, несколько более назад скончалась здесь, в Петербурге, вдова придворного певчего Андрея Федоровича Ксения Григорьевна, известная в свое время под именем Андрея Федоровича. Имея множество знакомых, большею частью из купеческого сословия, она часто приходила к ним за милостынею и ничего более не брала, как «царя на коне»: так называла она старинные копейки, на которых, как известно, было изображение всадника на лошади... Одни называли ее «сумасшедшею», другие «прокаженной» или юродивою, третьи «предсказательницею», потому что она предсказывала счастие или несчастие тому дому, в который приходила, хотя очень редко и неохотно произносила свои пророческие слова».

Шли годы. Люди все чаще и чаще обращались ко Ксении за помощью. Народная молва спешила поделиться радостью: блаженная исцелила, наставила на путь истинный, отвела от неминуемой беды. Песчаный холм на ее могиле несколько раз разбирали паломники. Вскоре здесь выросла часовня (она не сохранилась до наших дней). Новое здание, выстроенное на месте вечного упокоения Ксении в 1902 году, по проекту архитектора А.Всеславина, с той поры и доныне – святыня всей округи, центр притяжения «страждущих и обремененных» со всех концов земли Русской. До революции число паломников, случалось, достигало пяти тысяч в день. Смоленский храм считается одним из самых намольных в городе. Сама Ксения собственноручно участвовала в его постройке. По ночам она поднимала кирпичи на строительные леса. Дивились каменщики незримой помощи, работали с верой и усердием, понимая, что труд их отмечен особым благословением.

Священник Смоленского кладбища Стефан Опатович одним из первых взял на себя труд – записывать случаи молитвенной помощи Ксении блаженной, которые во множестве передавались богомольцами из уст в уста.

В конце прошлого века православная Россия зачитывалась книжками Ф.Белоруса и Д.Булгаковского, Е.Поселянина и А.Смирновой, посвященными блаженной. Мно-

гие из них, особенно труд священника Д.Булгаковского, выдержали несколько изданий.

Самое полное житие «Раба Божия блаженная Ксения, почивающая на Смоленском православном кладбище в С.-Петербурге», принадлежит перу священника Е.Рахманина. Именно этот автор собрал обширнейший свод посмертных чудес по молитвам Ксении. Житие Е.Рахманина положено в основу послереволюционных эмигрантских изданий, его (в сокращении) мы предлагаем вашему вниманию в этой публикации.

...История часовни времен воинствующего атеизма полна драм. О Ксении замолчали. На подступах к Смоленскому кладбищу замаячили люди в милицейской форме. Ходить в часовню стало небезопасно. Но народная любовь не хотела мириться с этим! Невзирая на опасности, преодолевая все кордоны, люди шли к своей заступнице.

Не прекращалась и сокровенная тайная жизнь часовни, хотя само ее существование порой, казалось, висело на волоске. Многие и сейчас искренне считают, что часовню «спас»... А.Н.Косыгин. На Смоленском кладбище похоронены его родители, он часто навещал их, и потому место это находилось под неофициальным покровительством властей. Забывают, впрочем, что настоящая хозяйка никогда не покидала своего дома, чему есть немало свидетельств. В 1957 году в часовне решено было открыть сапожную мастерскую. Вот как вспоминает об этом певчая Смоленского храма Марфа: «Могилу Ксении замуровали, построили над ней постамент. На этом постаменте и работали мастера. Словно на трясине... Ни одного гвоздика не дала им вбить Христова Угодница – все валилось из рук.

Тогда решили наладить изготовление статуй типа «Женщина с винтовкой», «Девушка с веслом». Опять незадача. Сколько раз, бывало, крепко-накрепко запрут мастера часовню, утром приходят, а вместо скульптур одни черепки...

Но минуло и это. Ксения окончательно вернулась к людям, несомненно по молитвам тысяч и тысяч верных ей душ, когда на Поместном соборе Русской Православной Церкви в 1988 году состоялась ее канонизация.

Это событие, духовное значение которого еще предстоит осознать, восстановило историческую справедливость по отношению к подвижнической миссии благочестивых русских женщин. Их имен так мало в церковном календаре! В умах, даже весьма просвещенных, долго – столетия – господствовало настороженное отношение к

юродивым христа ради. Сквозь толщу веков дошло до нас житие подвижницы Тавенского монастыря Исидоры — первой и до сего времени единственной юродивой, в IV веке причисленной к лику святых Православной церкви. Промчалось шестнадцать веков.

И вот светлое имя Ксении, освятившей своей подвижнической и чистой жизнью град Петров, по праву засверкало в сокровищнице отечественной духовной культуры.

Во все времена юродивые будили народную совесть, не зная страха, взывали к сильным мира сего, ясно и безошибочно предсказывали будущее. Высшая ступень развития юродства на Руси — XV-XVI столетия. Следующий яркий его этап — конец XVIII и XIX веков. Именно тогда Санкт-Петербург становится одним из ведущих центров юродивых Христа ради.

Один из первых описателей этого подвига церковный историк Евагрий говорит о юродстве как «о роде жизни, который превосходит всех». К служению юродства человек призывался через особое откровение или благословение старца. Этой харизме был присущ необычайный аскетизм: ведь юродство — это борьба с гордостью, то есть с самим корнем греха. Обращаясь к людям на ином, «немирском» языке, юродивые именем Бога пробуждали общество от духовной спячки, восставали против его пороков.

Смирение, кротость, нестяжание, прозорливость, горячая любовь к ближнему — в полной мере были свойственны и Ксении блаженной. Не потому ли так верно и преданно чтит ее народ? В честь Ксении слагают песни и стихи (в этой публикации вы познакомитесь с некоторыми из них), ее молитвенная помощь и сегодня поддерживает и укрепляет веру людей. В начале века на Малом проспекте Васильевского острова был устроен «Дом трудолюбия в память рабы Божией Ксении для бедных женщин духовного звания». А в наши дни имя Ксении носит единственная в городе церковная больница при Духовной семинарии и академии. Недавно в удмуртском городе Сарапуле освящен храм в честь блаженной Ксении Петербургской, в Смоленском храме — том самом, что она строила собственноручно,— открыт придел в ее честь. А сколько таких приделов, престолов, храмов по всей Руси-матушке!

Слава ее растет, летит по белу свету — ведь Ксению «увезли» с собой русские эмигранты и в Европу, и в Америку, ее почитают в Греции, на Кипре, в других православных странах. Сегодня для нее уже не существует гео-

графических границ и расстояний – на зов любящей ее души Ксения может явиться в любой точке земного шара. Утешит, вразумит, поможет... Да, теперь она принадлежит всем.

И все же, «Днесь светло ликует град святаго Петра... ты бо еси граду сему похвала и утверждение». Она оберегала и хранила его, город своей подвижнической судьбы, истово и светло молилась за него и в страшные годы лихолетья. Ее святое заступничество особенно чутко ощущаешь в наши тревожные зыбкие дни, когда наступление вселенского зла кажется неодолимым и грозным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белорус Ф. Юродивый Андрей Феодорович или Раба Божия Ксения, погребенная на Смоленском кладбище в Петербурге. Спб., 1893.

2. Блаженная Ксения. Вера и жизнь. 1978, № 18.

3. Бовкало А.А., Галкин А.К. Раба Божия Ксения. Комментарий к житийным сведениям. Л., ЛДА.

4. Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 год... а ныне дополненное и изданное В.Рубаном. Спб., 1778.

5. Булгаковский Д. Могила рабы Божией Ксении на Смоленском кладбище. Очерк. Спб., 1892.

6. Булгаковский Д. Раба Божия Ксения. Спб., 1895.

7. Гребенка Е. Петербургская сторона.– В кн.: Физиология Петербурга. Спб., 1845.

8. Животов Н.Н. Странники. Спб., 1891.

9. Канонизация святых. Поместный собор Русской православной церкви. М., Изд. Моск. патриархии, 1988.

10. Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. М., 1902.

11. Опатович С.И. Смоленское кладбище в С.-Петербурге. Русская старина, 1873, август.

12. Опатович С.И. Церковь во имя Смоленской иконы Божией Матери, на кладбище.– Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. IV, Спб., 1875.

13. Перечень корреспонденции (Из писем к редактору). Ведомости С.-Петербургской полиции, 1847, № 264.

14. Петербургские предания. Андрей Григорьевич. Ведомости С.-Петербургской городской полиции. 1847, № 272.

15. Поселянин Е. Петербургские святыни. Спб., 1903.

16. Раба Божия блаженная Ксения. 4-е изд. Лондон, Канада. 1986.

17. Рахманин Е. Две подвижницы. Спб., 1908.

18. Рахманин Е. Раба Божия Блаженная Ксения, почивающая на Смоленском православном кладбище в Спб., изд. 4. Спб., 1913.

19. Рахманин Е. Христианские размышления о почитании святых. Дерпт, 1892.

20. Русский биографический словарь. М.– Спб., 1903, т. 9.

21. Федотов Г.П. Святые древней Руси. Париж, 1985.

СОВРЕМЕННЫЕ ЧУДЕСА

«Светлое горение, матушка Ксения...»

«Кто меня знал, да помянет
душу мою, для спасения своей
души. Аминь».
(Эти слова высечены на
надгробии Ксении Блаженной.)

Берегом низким, в камень одетым,
Гулким двором и широким проспектом,
Утром и в полдень, и ночь напролет
В белом платочке старушка идет.
Тихо ступают ноги босые.
Уста повторяют: «Спаси и помилуй».
Великую помощь Господь нам дает:
Блаженная Ксения нас бережет.

Автор этих строк, написанных еще в годы гонений,– С.А.Шереметьева, потомок некогда знаменитого петербургского рода. Не счесть, сколько часов провела она у дорогой сердцу могилы. Тайком раздавая людям молитву Ксении, навидалась-наслушалась всякого лиха, и стихи ее удивительно точно отражают неподвластные времени народные настроения и чаяния:

И если устала душа от несчастья,
И силы не стало бороться с напастью,
И чаша страданий до края полна,
Святой помолись – и поможет она.

В другом стихотворении (оно написано в 70-е годы) – бесхитростный и предельно искренний молитвенный порыв:

Подай, Господи, в райских селениях
Тебе вечную славу и вечный покой:
Так молися, блаженная Ксения,
И там встречи с тобой удостой.

Блаженная нам отвечает:
О тех, кто помянет меня,
В раю, у Престола Господня,
Усердно молюся и я.

Светлой молитвой, кажется, напоен воздух вокруг часовни. И, похоже, сама по себе рождается песня о народной заступнице:

Ксения блаженная, как же ты любила,
Невозможно было горячей любить.
Светлое горение, матушка Ксения,
Помоги мне к Господу любовь не угасить.

. . . .

Ксения блаженная, сколько лет минуло,
И в разлуке дальней сердцем полечу
Под благословение, матушка Ксения,
У твоей часовенки снова прошепчу:

Ксения блаженная, вразуми, родная.
Видишь, как опасно предстоит идти.
На путях сомнения, матушка Ксения,
Помоги спасения крест перенести.

Автор текста* и музыки к нему – Татьяна Балдычева, много лет проработавшая в Смоленском храме. Песню поют во многих городах и уже называют народной. Значит, Ксения идет по России...

А священство, служащие Смоленского храма, как и встарь, бережно хранят рассказы о молитвенной помощи блаженной всем притекающим к ней – уже в наши дни. Приводим здесь лишь некоторые свидетельства. (Не все верующие согласились назвать свою фамилию – слишком сокровенно то, о чем они поведали.)

А.С.Семенова:

Более тридцати лет я прослужила в Смоленской церкви. Многие люди рассказывали мне о случаях исцеления, происшедших с ними или их близкими. Но одно дело – слышать о чудесах, другое – лицезреть.

...Аксинью привозили к нам на инвалидной коляске. Все мы уже знали ее историю: женщина эта, потерявшая способность двигаться, за некоторое время до первого появления на Смоленском погрузилась в глубокий сон. Несколько дней длилось забытье. Врачи признавали, что она умерла. Родные возили ее, спящую, по разным церквам города. В одной из них, продолжая находиться в летаргии, Аксинья получила весть: отправляйся к блаженной Ксении. После этого пробудилась и последовала этому зову в надежде на исцеление.

И вот свершилось. Аксинью трижды обвезли вокруг часовни, затем внесли на коляске вовнутрь. Она попросила протоиерея отца Владимира омыть гробницу блаженной Ксении святой водой. В это время все мы, кто находился

* Текст приводится в сокращении.

поблизости, конечно же, молились. И... она встала. Это случилось на моих глазах. Аксинья и теперь жива, частый гость часовни блаженной Ксении.

* * *

Степанида, служащая часовни:

— Недавно посетил нас паломник из ФРГ. Рассказал: несколько лет тому его дочь час пролежала бездыханной. Врачи вынесли приговор: смерть. А он в это время горячо молился — Ксении. Не успела спросить, откуда он узнал про нашу заступницу. Но главное — девочка ожила, а потом и выздоровела. Отец дал обет поступить в семинарию. К нам он приехал уже дьяконом — благодарить блаженную.

* * *

Марфа, певчая хора Смоленского храма:

— Во время блокады часовня была закрыта. Мало у кого хватало сил бывать здесь. Но память о Ксении хранили свято, к ней мысленно обращались в самые трудные минуты.

Считаю, что меня она просто спасла. Было это в самый тяжелый период 900-дневной осады. Она явилась мне ночью — в неизменном своем белом платочке, с посохом в руке. Молвила: «В следующую ночь дома не ночуй» — и исчезла так же внезапно, как и возникла.

...Вечером я отправилась на ночлег к родственникам в другой район. А дом в ту ночь фашисты разбомбили до основания. Даже убежище, в котором пытались укрыться люди, рухнуло под напором смертоносного огня.

* * *

В.Т.: Я — неимущий инвалид (о таких говорят — существует за чертой бедности) и жив только ее поддержкой и участием.

Но речь не обо мне. Многие, в мгновения безысходности припадая к святой могиле, часто поверяли мне свою беду. Помню, на одну женщину обрушились особенно крупные напасти. Там, где она работала, нечестные люди разворовали государственное имущество. А свою вину ловко «свалили» на нее. Было заведено уголовное дело, ей грозило семь лет тюрьмы. Одно судебное заседание сменяло другое, тянулось это долго (ведь прямых доказа-

тельств, кроме подтасовок, не было), а тем временем ее лишили прописки, жилья.

Я подарил этой женщине образ блаженной Ксении, рассказал, что, когда просишь святую о чем-либо, лучше всего трижды обойти часовню, а поскольку дело ее особенно трудное – хорошо бы написать Христовой угоднице записочку. Так она и поступила. Через несколько дней женщина та, счастливая, снова пришла к блаженной – на этот раз благодарить. Был суд, ее полностью оправдали, все повернулось в ее судьбе к лучшему.

* * *

Е.А.Шереметьева:

– Однажды, когда я у часовни раздавала листочки с молитвой Ксении (в недобрые, запретные времена), вдруг налетели «оперы». Людей как ветром сдуло, кроме меня, остались две молоденькие девушки. Одна из них как стояла, так и замерла вполоборота к часовне, едва заметно шевеля губами. Что тут началось – крик, брань! И вдруг – внезапная оглушительная тишина, как будто столбняк напал на моих гонителей. А затем: «Извините, извините...» И, весьма сконфуженные, нежданные гости поспешно откланялись. Тогда девушка повернулась ко мне и промолвила: «Я так молила блаженную Ксению, чтобы они ушли!»

* * *

М.К.:

У меня стал сильно выпивать муж. Да и соседка по квартире – вот беда! – принялась колдовать на меня. Накатили черные силы, придавили, будто гранитной плитой. К часовне я пришла с одним из детей. Ко мне приблизилась женщина, одетая в черное. «Ну, давай обойдем вокруг часовни три раза, расскажи про свое горе-печаль». Так я и сделала. Затем наклонилась к ребенку, чтобы взять его на руки. Мгновение. Когда подняла голову – женщины уже не было. Растворилась, исчезла... А дома дела пошли с тех пор на лад.

* * *

Л.П.Шпаковская:

– Когда я была пятилетним ребенком (часовня тогда

была еще закрыта), мама нередко возила меня на Смоленское кладбище, рассказывала о Ксении. В день ее памяти, 6 февраля, мы ходили с зажженной свечкой вокруг часовни и молились; в 50-е годы. К стыду своему, в дальнейшей жизни проявила я небрежение или нерадение, почти не бывала там. А когда, уже взрослая, наконец приехала на Смоленское кладбище позапрошлым летом, то, по-видимому, в назидание произошла необыкновенная встреча. Ко мне обратилась незнакомая женщина с просьбой объяснить, как и что надо сделать в благодарение Ксении. Вот что она рассказала: «Мой родной брат живет в Белоруссии. На днях там по центральной программе показали передачу, и в ней был сюжет о Ксении блаженной. Брат увидел эту передачу и страшно обрадовался, что наконец может отблагодарить ту, что спасла его в годы войны. Он был совсем молодой солдат. Шли бои за Прагу. В подвале одного из домов, откуда ни возьмись, около них оказалась женщина в платке и по-русски сказала, что они немедленно должны уйти (указала куда), ибо сюда попадет снаряд и они погибнут. Оба солдата опешили и удивленно спросили: «Кто ты?» – «Я Ксения блаженная, пришла спасти вас»,– последовал ответ. После этих слов она исчезла. Спаслись солдаты, но очень долго не знал молодой воин, кто такая Ксения, искал ее, и вот через сорок пять лет – такое чудо! После передачи он срочно позвонил в наш город своей родной сестре, чтобы та немедленно поехала в часовню – поблагодарить. Конечно же, был отслужен молебен и сделано все, как подобает в таком случае...

Многие верующие уверяют, что даже в те годы, когда часовня была закрыта, слышалось из нее церковное пение, нет-нет да светился огонек за крепко запертыми дверями. И женщину в белом платочке, легкой поступью обходящую Смоленское кладбище, видели будто бы прихожане не раз. Являлась Ксения в окошке часовни, нередко с Евангелием в руках. Впрочем, образ свой светлый позволяла лицезреть далеко не всем.

И это – лишь малая толика бесчисленных свидетельств. Народная любовь к Небесной Заступнице безгранична. Посреди мирской суеты часовня живет своей особой жизнью, по горним законам. Здесь, где день и ночь вершатся судьбы, где возносятся ввысь горячие молитвы, не слукавишь. Лучше распахни душу блаженной Ксении, и... по вере твоей да воздастся тебе.

РАБА БОЖИЯ

БЛАЖЕННАЯ КСЕНИЯ

Житие печатается в сокращении по изданию:
Рахманин Е. Раба Божия Блаженная Ксения, почивающая на Смоленском православном кладбище в Спб., изд. 4. Спб., 1913.

К числу лиц истинно юродивых Христа ради, к числу истинно блаженных, прошедших весь путь нравственного самоусовершенствования и всецело посвятивших себя на служение Господу Богу, бесспорно, принадлежит и столь всем известная и глубоко чтимая подвижница XVIII века Ксения Григорьевна Петрова, почивающая на Смоленском кладбище в Петербурге.

К великому прискорбию всех почитателей рабы Божией Блаженной Ксении память народная не сохранила нам решительно никаких известий о том, кто была Ксения по происхождению, кто были ее родители, где она получила образование и воспитание. Можно лишь с вероятностью предполагать, что по происхождению своему Ксения была рода не простого, ибо была замужем за Андреем Федоровичем Петровым, состоявшим в ранге полковника и служившим придворным певчим. Память народная, как мы сказали, не знает Ксению Григорьевну как женщину обычную, жившую обыкновенными человеческими интересами. И действительно, мало ли людей на Божьем свете, мало ли их было и в Петербурге? Где же их всех запомнить! Есть среди людей и много лиц замечательных, известных и при жизни и по смерти какими-либо выдающимися талантами, особливыми заслугами и перед родиной и перед церковью православной, но многие ли из них навсегда остаются в памяти народа? Нет, весьма и весьма немногие! Как все человеческое – и знаменитые некогда лица и их заслуги мало-помалу заволакиваются как бы туманом и наконец совершенно исчезают из памяти народа, совершенно забываются. Лишь мемуары истории надолго сохраняют известия, и то только о некоторых, особливо выдающихся деятелях. Но Ксения Григорьевна, будучи женой полковника, ничем не выделялась из среды других, современных ей женщин, не

совершила она и никаких особливых заслуг ни перед церковью православной, ни перед своей родиной, а потому и память народная не сохранила о ней, за первые годы ее жизни, решительно никаких известий. Взамен этого память народная хорошо знает и твердо помнит Ксению Григорьевну, как женщину Христа ради юродивую, как подвижницу Божию, как Блаженную. Твердо помнит народная память и причину, послужившую для Ксении поводом к полному отрешению ее от мира, от всех мирских радостей, удовольствий, привязанностей. Причиной этой была совершенно неожиданная, внезапная смерть горячо любимого, цветущего здоровьем мужа Ксении Григорьевны – Андрея Федоровича Петрова. Этот неожиданный удар так сильно поразил Ксению Григорьевну, так повлиял на молодую 26-летнюю, бездетную вдову, что она сразу как бы забыла все земное, человеческое, все радости и утехи и вследствие этого многим казалась как бы сумасшедшей, лишившейся рассудка... Так на нее стали смотреть даже ее родные и знакомые и особенно после того, как Ксения раздала решительно все свое имущество бедным, а дом подарила своей хорошей знакомой, Параскеве Антоновой[1]. Родные Ксении подали даже прошение начальству умершего Андрея Феодоровича, прося не позволять Ксении в безумстве раздавать свое имущество. Начальство умершего Петрова вызвало Ксению к себе, но из разговоров с ней вполне убедилось, что Ксения совершенно здорова, а потому имеет право распорядиться своим имуществом как ей угодно.

Так смотрели плотские люди на рабу Божию Ксению, не понимая того, что в душе ее, со времени смерти мужа, совершался великий переворот, происходило полное перерождение плотской женщины в женщину духовную. И действительно, неожиданная смерть горячо любимого мужа, в котором сосредоточивалась вся цель и весь интерес ее жизни, ясно показала Ксении, сколько непрочно и сколь суетно земное счастие. Она сразу поняла, что все земное служит лишь помехой, препятствием для достижения истинного счастия на небе в Боге. Вот почему раба Божия Ксения тотчас же, по смерти мужа, решилась освободиться от всего земного, от всех мирских привязанностей. Для достижения же этого счастия она избрала тяжелый путь юродства Христа ради. Облачившись в костюм мужа, т.е. надевши на себя его белье, кафтан, камзол, она стала всех уверять, что Андрей Феодорович вовсе не умирал, а умерла его супруга Ксения Григорьевна, и уже ни-

когда потом не откликалась, если ее называли Ксенией Григорьевной, и всегда охотно отзывалась, если ее называли Андреем Феодоровичем.

Какого-либо определенного местожительства Ксения не имела. Большею частью она целый день бродила по Петербургской стороне и по преимуществу в районе прихода церкви св.Апостола Матфея, где в то время жили в маленьких деревянных домиках небогатые люди. Странный костюм бедной, едва обутой женщины, не имевшей места, где главу приклонить, ее иносказательные разговоры, ее полная кротость, незлобие – давали нередко злым людям и особенно уличным мальчишкам повод и смелость глумиться, смеяться над Блаженной. Но перед Блаженной всегда носился образ великого, безвинного Страдальца – Христа, безропотно сносившего и поругания, и оплевания, и заушения, и распятие, и смерть. Вот почему и Блаженная так же безропотно сносила всякого рода глумления над собою. Лишь однажды, когда Ксения уже стала почитаться за угодницу Божию, жители Петербургской стороны видели ее в страшном гневе. Уличные мальчишки, завидя юродивую, по обычаю стали над ней смеяться, дразнить ее. Блаженная, по обычаю, безропотно сносила это. Но злые дети не ограничились одними издевательствами. Видя безропотность и беззащитность Блаженной, они наряду с издевательствами стали бросать в нее грязью, камнями... Тогда, по-видимому, и у Блаженной не хватило терпения. Как вихрь бросилась она за злыми мальчишками, грозя им своею палкою, которую всегда она носила с собою. Жители Петербургской стороны, увидя Блаженную в страшном гневе, пришли в ужас от поступка беспризорных, злых детей и тотчас же приняли все меры к тому, чтобы никто не обижал Блаженную.

Мало-помалу к странностям Блаженной привыкли, мало-помалу поняли, что она не простая побирушка-нищая, а какая-то особенная. Многие поэтому стали жалеть ее, старались чем-либо помочь ей. Эта жалость особенно стала проявляться с того времени, как камзол и кафтан мужа на Блаженной совершенно истлели, и она стала одеваться, зимой и летом, в жалкие лохмотья, а на босых ногах, распухших и красных от мороза, носила рваные башмаки. Видя едва одетую, измокшую или озябшую юродивую, многие давали ей теплую одежду, обувь, милостыню, но Ксения ни за что не соглашалась надеть на себя теплую одежду и всю жизнь проходила в жалких лохмотьях – красной кофточке и зеленой юбке, или наоборот – в зеле-

ной кофточке и красной юбке. Милостыню она также не принимала, а брала лишь от добрых людей «царя на коне» (копейки с изображением всадника) и тотчас же отдавала этого «царя на коне» таким же беднякам, как и сама она.

Бродя целыми днями по грязным, немощеным улицам Петербурга, Ксения изредка заходила к своим знакомым, обедала у них, беседовала, а затем снова отправлялась странствовать. Где она проводила ночи, долгое время оставалось неизвестным. Этим заинтересовались не только жители Петербургской стороны, но и местная полиция, для которой неизвестность местопребывания Блаженной по ночам казалась даже подозрительной. Решено было во что бы то ни стало разузнать, где проводит ночи эта странная женщина и что она тогда делает. И жители Петербургской стороны и местная полиция сумели удовлетворить свое любопытство и успокоиться. Оказалось, что Ксения, несмотря ни на какое время года, несмотря ни на какую погоду, уходит на ночь в поле, коленопреклоненно становится здесь на молитву и не встает уже с этой молитвы до самого восхода солнца, попеременно делая земные поклоны на все четыре стороны света.

В другой раз рабочие, производившие постройку новой каменной церкви на Смоленском кладбище[2], стали замечать, что ночью, во время их отсутствия, с постройки кто-то натаскивает на верх строящейся церкви целые горы кирпича. Долго дивились этому рабочие, долго недоумевали, откуда берется кирпич на верху строящейся церкви. Наконец решили разузнать, кто мог быть даровой, неутомимый работник, каждую ночь таскающий для них кирпич. Оказалось, что этот неутомимый работник была раба Божия Блаженная Ксения.

Может быть, много и других, неведомых миру, подвигов совершала Блаженная. К сожалению, при ней не было никого, кто мог бы быть свидетелем этих подвигов.

В одиночестве совершала она жизненный путь свой. Между тем путь этот был длинный: целых 45 лет жила она после смерти своего мужа, целых 45 лет вела она неустанную борьбу с врагом человечества — диаволом и с гордостью житейской!

Где, почти необутая и еле одетая, Блаженная Ксения во все время своего странствования давала отдых, покой своему телу — осталось известным одному только Господу Богу. Мы можем лишь удивляться тому, как могла она, старенькая и слабая, выдерживать наши проливные, пронизывающие до костей осенние дожди, наши страшные,

трескучие морозы, когда на лету мерзнут птицы, легко застывают хорошо одетые, молодые, здоровые люди! Нужно было обладать или организмом сверхчеловеческим, или носить в себе такой сильный внутренний духовный жар, такую глубокую, несомненную веру, при которой и невозможное становится возможным. Но, припоминая великих угодников Божиих, которые силою своей веры творили дивные, непосильные и непонятные для человеческого ума чудеса, не будем и подвиги Блаженной считать небывалыми, невозможными для человека во плоти. А что Ксения Блаженная действительно имела такую веру, при которой все возможно, что она, живя телом в мире, душой своею всегда витала выше мира и пребывала всегда в живом, непосредственном общении с Богом, видно уже из того чудесного дара предвидения будущего, которым наделил Господь Свою угодницу и благодаря которому Блаженная наперед знала о таких событиях, которые не могут быть предугаданы и предсказаны умом человеческим.

ДАР ПРОЗОРЛИВОСТИ РАБЫ БОЖИЕЙ КСЕНИИ

Однажды приходит в гости к купчихе Крапивиной[3] Блаженная Ксения. Радушно встреченная хозяйкой и другими лицами, бывшими в квартире г-жи Крапивиной, Ксения несколько времени беседовала с ними, поблагодарила хозяйку за угощение, и когда стала прощаться, то, указывая на Крапивину, сказала: «Вот, зелена крапива, а скоро, скоро завянет». Ни Крапивина, ни ее гости не придали какого-либо особого значения словам Блаженной, но оказалось, что в скором же времени молодая, цветущая здоровьем г-жа Крапивина неожиданно заболела и умерла. Тут только гости Крапивиной вспомнили слова Блаженной: «зелена крапива, но скоро завянет», и поняли, что этими словами она предсказала близкую кончину Крапивиной.

В другой раз приходит Ксения к своей хорошей знакомой, г-же Параскеве Антоновой,[4] которой она раньше подарила свой дом, и говорит ей: «Вот ты тут сидишь да чулки штопаешь, и не знаешь, что тебе Бог сына послал! Иди скорее на Смоленское кладбище!»

Антонова, с молодых годов хорошо знакомая с Блаженной, отлично знала, что с уст Ксении никогда не сходит слово неправды, а потому и теперь, несмотря на странность ее слов, тотчас же поверила, что должно быть,

действительно, что-нибудь случилось особенное, и поспешно побежала на Смоленское кладбище. На одной из улиц Васильевского острова, вблизи Смоленского кладбища, Антонова увидала большую толпу народа. Влекомая любопытством, Антонова подошла к толпе и постаралась разузнать, что тут случилось. Оказалось, что какой-то извозчик сбил с ног беременную женщину, которая тут же на улице разрешилась от бремени мальчиком, а сама немедленно скончалась.

Сжалившись над ребенком, Параскева Антонова тотчас же взяла ребенка к себе. Узнать, кто была его умершая мать, кто был его отец, несмотря на усиленные старания как петербургской полиции, так и самой Антоновой не удалось, и ребенок остался на руках у госпожи Антоновой. Она дала ему прекрасное образование и воспитание. Впоследствии он сделался видным чиновником и до самой смерти берег и покоил свою приемную мать, будучи для нее самым почтительным и горячо любящим сыном. С глубоким благоговением относился он также и к памяти рабы Божией Блаженной Ксении, которая так много добра оказала его приемной матери и такое участие приняла в судьбе его, едва родившегося и уже оставшегося полным сиротой.

Недалеко от часовни рабы Божией Ксении находится могила Евдокии Денисьевны Гайдуковой, скончавшейся в 1827 году[5]. Гайдукова принадлежала к числу тех лиц, которых любила и иногда посещала раба Божия Ксения. Однажды зашла к ней Блаженная Ксения в предобеденное время. Обрадованная ее приходом, Евдокия Денисьевна тотчас же поспешила накрыть стал, усадила за стол Ксению и стала угощать ее чем Бог послал. Кончился обед, Евдокия Денисьевна стала благодарить Ксению за ее посещение и извиняться за плохое угощение.

«Не взыщи,— говорила она,— голубчик, Андрей Феодорович, больше мне угостить тебя нечем, ничего сегодня не готовила».

«Спасибо, матушка, спасибо за твое угощение,— отвечала Ксения,— только лукавить-то зачем? Ведь побоялась же ты дать мне уточки!»

Сильно сконфузилась Евдокия Денисьевна; в печи у ней действительно была жареная утка, которую она прибрегала для отсутствующего мужа. Тотчас же бросилась Евдокия Денисьевна к печке и стала вынимать оттуда утку.

Но Ксения тотчас же остановила ее: «Нет-нет, что ты?

Не надо, не надо, я не хочу утки. Ведь я знаю, что ты радехонька меня всем угостить, да боишься своей кобыльей головы. Зачем же его сердить?»

Кобыльей головой Ксения называла мужа Евдокии Денисьевны, которого очень не любила за его пьянство, грубый характер и за скверную ругань в пьяном виде.

К числу знакомых рабы Божией Ксении, к которым она иногда наведывалась, принадлежало также семейство Голубевых, состоявшее из матери-вдовы и 17-летней красавицы дочки. Ксения очень любила эту девушку за ее кроткий, тихий нрав и доброе сердце.

Однажды заходит к ним в гости Ксения. Мать и дочь сидели за столом и готовили кофе.

«Эх, красавица,— сказала Ксения, обращаясь к девушке,— ты вот тут кофе варишь, а муж твой жену хоронит на Охте. Беги скорее туда!»

«Как так?! — отвечала девушка.— У меня не только мужа, но и жениха-то нет. А тут какой-то муж, да еще жену хоронит?»

«Иди»,— сердито отвечала Ксения, не любившая каких-либо возражений.

Голубевы, хорошо знавшие, что Ксения никогда не говорит чего-либо напрасно, и почитая ее за угодницу Божию, тотчас же послушались приказания Блаженной и отправились на Охту. Здесь они увидели, что к кладбищу направляется похоронная процессия. Голубевы замешались в толпу провожавших и пошли вместе с процессией на кладбище. Хоронили молодую женщину, жену доктора, скончавшуюся от неблагополучных родов. Началась и кончилась литургия, затем и отпевание. Покойную понесли на место ее последнего упокоения. Вслед за гробом шли и Голубевы. Кончилось и погребение. Народ стал расходиться по домам. Пошли и Голубевы. Но тут они неожиданно натолкнулись на горько рыдавшего молодого вдовца, который при виде могильного холма над прахом любимой супруги потерял сознание и без чувств свалился на руки подбежавших Голубевых. Последние постарались привести его в чувство, познакомились с ним, и через год юная Голубева стала женой доктора.

Счастливо и безмятежно прожила она со своим мужем до глубокой старости, при смерти строго завещав своим детям хранить могилу и чтить память рабы Божией Блаженной Ксении.

Однажды встретила Блаженная Ксения на улице одну благочестивую женщину, свою знакомую, остановила ее

и, подавая ей медный пятак с изображением всадника, сказала: «Возьми пятак, тут царь на коне; потухнет!» Женщина взяла пятак, попрощалась с Ксенией и, недоумевая, что бы значили странные слова ее, пошла домой. Но едва она вошла в ту улицу, где она жила, как увидела, что загорелся дом ее. Не успела, однако, она добежать до своего дома, как пламя было потушено. Тут только поняла она, что означали слова Блаженной Ксении: «Возьми пятак: потухнет»!

Всем известно, что Императрица Анна Иоанновна, желая упрочить русский престол за потомством отца своего, царя Иоанна V Алексеевича (брата Петра Великого), вызвала к себе племянницу свою, Анну Леопольдовну, выдала ее замуж за принца Антона-Ульриха, и, когда от этого брака родился сын Иоанн, то назначила его своим наследником. По смерти Анны Иоанновны Иоанн VI Антонович действительно был провозглашен Императором (1740 год).

Спустя год после этого, а именно — с 24 на 25 ноября 1741 года — в России произошел государственный переворот. Императрицей была провозглашена дочь Петра Великого, Елисавета Петровна, Иоанна Антоновича заключили в Шлиссельбургскую крепость, а родителей его сослали в ссылку в Холмогоры, где они и скончались. Несчастный Иоанн Антонович протомился под строгим надзором в Шлиссельбургской крепости около 23 лет. В 1764 году, уже в царствование Императрицы Екатерины Великой, один из караульных офицеров, Мирович, задумал освободить его из заточения и провозгласить Императором. Но попытка Мировича не удалась: другие офицеры остались верными Императрице. Во время происшедшего столкновения Иоанн Антонович был убит.

За три недели до этого печального события Блаженная Ксения стала ежедневно и целыми днями горько плакать. Все встретившиеся с ней, видя ее в слезах, жалели ее, думая, что кто-нибудь ее обидел, и спрашивали ее: «Что ты, Андрей Феодорович, плачешь? Не обидел ли тебя кто-нибудь?»

Блаженная отвечала: «Там кровь, кровь, кровь! Там реки налились кровью, там каналы кровавые, там кровь, кровь», и еще сильнее начинала плакать.

Никто не понимал, что сталось со всегда спокойной и благодушной Блаженной. Никто не понимал и странных слов ее.

Лишь три недели спустя, когда по Петербургу разнес-

лась молва о страдальческой кончине Иоанна Антоновича, все поняли, что своим плачем и словами: «Там реки налились кровью, там каналы кровавые, там кровь, кровь» — Блаженная предсказывала страдальческую кончину некогда Императора Иоанна VI Антоновича.

Накануне праздника Рождества Христова, 24 декабря 1761 года, Блаженная Ксения целый день суетливо бегала по улицам Петербургской стороны и всюду громко кричала: «Пеките блины, скоро вся Россия будет печь блины!»

Все видевшие Блаженную неудомевали, что бы означала ее озабоченность и суетливость, что означают слова ее. Так никто и не понял странных слов и поведения Блаженной.

И вдруг что же случилось?

На другой день, то есть 25 декабря 1761 года, по Петербургу вдруг разнеслась страшная весть: Императрица Елисавета Петровна неожиданно скончалась.

Тут только всем стало понятно, что словами «пеките блины, пеките блины, скоро вся Россия будет печь блины» — Блаженная предсказывала смерть Императрицы.

* * *

Молва о строгой подвижнической жизни Блаженной Ксении, об ее доброте, кротости, смирении, полной нестяжательности, о чудном даре прозорливости широко разнеслась по Петербургу. Все стали смотреть на нее как на угодницу Божию, как на великую подвижницу; все стали не только жалеть ее, стали глубоко уважать и почитать ее. Вот почему и купцы, и мещане, и чиновники, и другие обыватели Петербургской стороны душевно рады были принять у себя Блаженную в доме, тем более что все стали замечать, что в каком бы доме или семье ни побывала Блаженная, там всегда водворялся какой-то благодатный мир, особливое счастие. Торговцы заметили, что если Блаженная заходила в лавку, где до того времени не было торговли, и брала себе какую-либо ничтожную из продающихся вещей — орешек, пряничек, та лавка начинала отлично торговать, потому что народ спешил купить что-нибудь именно в той лавке, куда заглянула Блаженная.

Извозчики заметили, что если кому-либо из них удавалось хоть несколько шагов провезти Блаженную, у того целый день езда шла отлично, и он делал хорошую выручку. Вот почему извозчики, еще издали увидя Блаженную, наперегон мчались к ней на своих пролетках и умо-

ляли ее хоть только присесть в их коляску, в полном убеждении, что это даст им хороший заработок. И чрезвычайно счастлив был тот возница, которому удавалось провезти в своей коляске Блаженную.

Матери детей замечали, что если Блаженная приласкает или покачает в люльке больного ребенка, тот непременно выздоровеет. Вот почему все они, завидя Блаженную, спешили к ней со своими детьми и просили ее благословить или приласкать их в уверенности, что тот ребенок, который удостоится ласки или благословения от Блаженной, или которого она просто погладит по головке, непременно будет и здоров и счастлив.

* * *

Как птица небесная летала она по Петербургской стороне днем, желая всем и каждому оказать какую-нибудь услугу, а ночью вступала в беседу с Самим Господом Богом, предаваясь молитвенным и другим подвигам. Кротость, смирение, доброта постоянно сияли на изможденном трудами лице ее: видно было, что душа Блаженной далека от мира, что, хотя тело ее находится еще на земле, но дух ее находится на небе, куда она неустанно стремилась.

И вот не стало этой подвижницы на земле. Настал час, когда Господу угодно было разрешить ее от борьбы с миром и взять ее к Себе на небо.

ВРЕМЯ СМЕРТИ И ПОГРЕБЕНИЯ РАБЫ БОЖИЕЙ БЛАЖЕННОЙ КСЕНИИ. ПОЧИТАНИЕ ПАМЯТИ ЕЕ ПО СМЕРТИ. ИСТОРИЯ СООРУЖЕНИЯ ЧАСОВНИ НАД ЕЕ МОГИЛОЙ. ОБЫЧАЙ РУССКОГО НАРОДА СЛУЖИТЬ ПО УГОДНИКАМ БОЖИИМ, ЕЩЕ НЕ ПРИЧИСЛЕННЫМ К ЛИКУ СВЯТЫХ, ПАНИХИДЫ

К великому прискорбию всех почитателей Блаженной Ксении, до нашего времени не сохранилось решительно никаких известий о времени и обстоятельствах смерти и погребения рабы Божией Ксении. Лишь на основании некоторых данных можно с большей или меньшей вероятностью сделать некоторые предположения.

Составителю настоящей книжки, несмотря на самые тщательные, неоднократные розыски, записи дня смерти

и погребения Ксении Григорьевны Петровой или Андрея Феодоровича Петрова в росписях о погребенных, хранящихся в архивах Смоленского кладбища, начиная с 1777 года, найти не удалось. Можно, таким образом, предполагать, что Ксения скончалась ранее 1777 года*. Но этому противоречит сохранившееся известие о том, что Ксения таскала по ночам кирпич на вновь строящуюся церковь на Смоленском кладбище, а такою церковью могла быть только существующая и теперь церковь Смоленской Божией Матери. А эта церковь начата постройкою в 1794 году и освящена в 1796 году. Стало быть, в эти годы Блаженная Ксения была еще жива. Если же предположить, что Ксения таскала кирпич на постройку какой-либо из ранее существовавших на Смоленском кладбище церквей, то этому предположению противоречит то обстоятельство, что все ранее существовавшие на кладбище церкви были деревянными и даже холодными, без печей, стало быть, и кирпич таскать туда было бесцельно. Вернее всего думать, что Ксения действительно таскала кирпич на постройку церкви Смоленской Божией Матери и, стало быть, была жива в 1794-1796 годах. Что же касается отсутствия записи о ее смерти и погребении в кладбищенских росписях, то это легко объясняется, с одной стороны, небрежностью, с какой велась в то время запись погребаемых; вследствие именно небрежности многие лица, о которых достоверно известно, что они погребены на Смоленском кладбище, в росписях не значатся (например, рыцари Мальтийского ордена; масса лиц, умерших от холеры в 1848 году, и др.), а с другой — весьма вероятным предположением, что все умершие, отпетые не на кладбище, вовсе не заносились в кладбищенские ведомости о погребаемых. Если это так, то и Ксения была отпета не на кладбище, а где-либо в приходской церкви; это предположение можно считать вполне вероятным.

На конец же XVIII века или даже на начало XIX, как приблизительное время смерти Ксении, указывают и некоторые другие данные:

день смерти императрицы Елисаветы Петровны, 25 декабря 1761 года, предсказанный Ксенией;

даты на могильной плите Ксении: «осталась после мужа 26-ти лет, странствовала 45 лет, а всего 71 год»;

год смерти современницы Ксении – Евдокии Денисьевны Гайдуковой – 1827-й.

---

* Все записи до 1777 года уничтожены наводнением того же года.

Сопоставляя все эти данные, также и год постройки Смоленской церкви, можно думать, что Ксения умерла не ранее 1794 года (время постройки церкви) и не позже 1806 года (1761 год — время смерти Императрицы Елисаветы Петровны плюс 45 лет странствования Ксении — 1806 год). Вот именно эти годы можно считать временем смерти Ксении; следовательно, день рождения ее падает на 1719—1730 годы. Во всяком случае, точно определить год рождения и год смерти Блаженной, за неимением определенных данных, пока невозможно.

Что же касается обстоятельств смерти и погребения рабы Божией Ксении, опять-таки за неимением каких-либо данных, сказать об этом что-либо определенное трудно. Но, принимая во внимание то глубокое уважение и ту любовь, какими пользовалась Блаженная у всех жителей Петербургской стороны, принимая во внимание, что еще при жизни Блаженную считали за угодницу Божию, можно думать, что погребение ее было необычайно торжественно: с уверенностью можно думать, что все жители Петербургской стороны, где жила Блаженная, и вообще все знавшие ее при жизни, считали своею обязанностью дать последнее целование усопшей, проститься с ней и проводить ее до последнего места ее упокоения.

Были ли при этом какие-либо особенные, знаменательные проявления помощи от Блаженной, известий не сохранилось. Во всяком случае, если бы даже и не было подобных проявлений, чего мы отнюдь не смеем утверждать, тем не менее все почитатели усопшей, все получившие от нее какую-нибудь помощь, какую-нибудь ласку при ее жизни, старались молитвами своими отблагодарить ее по кончине за все то добро, какое было им оказано, старались не прерывать с ней духовного общения и по ее смерти. Вот почему, наверное, можно думать, что с первого же дня погребения Блаженной могила ее посещалась многими и многими лицами, приходившими помолиться об ее упокоении. И на молитвенную-то память о себе Блаженная из загробного мира откликалась делами милости. Тогда и не знавшие Блаженную при жизни стали прибегать к ее ходатайству, к ее помощи перед Богом. Достоверно известно, что в двадцатых годах прошлого столетия на могилку Ксении народ стекался толпами, веря, что на молитвенный зов Блаженная не замедлит откликнуться помощью. Каждый посетитель могилки Ксении непременно желал хоть что-нибудь иметь у себя с этой могилки, а так как взять с могилки, кроме землицы,

было нечего, то брали именно землю, веря, что эта земля лучшее средство от болезней и горестей.

Ежегодно вся земля с могильной насыпи над гробом усопшей по горсточке разносилась посетителями; ежегодно приходилось делать новую насыпь, и ежегодно насыпь снова разбиралась посетителями. Пришлось положить сверху могильной насыпи каменную плиту; но посетители разбили плиту на мелкие кусочки и разнесли по домам; положили новую плиту — и с этой плитой случилось то же. Но, разбирая землю и ломая плиты, посетители клали на могилку свои посильные денежные пожертвования, которыми вначале пользовались нищие. Затем могилку Ксении обнесли оградой, к которой прикрепили кружку для сбора пожертвований на сооружение над могилой часовни. И пожертвования не заставили долго ждать себя. На собранные таким образом деньги, при содействии некоторых почитателей рабы Божией Ксении, над ее могилой была сооружена небольшая, из цокольного камня, часовня с двумя окошечками по бокам, с дубовым иконостасом в восточной стороне и с железной дверью — с западной. Над дверью с наружной стороны сделали надпись: «Раба Божия Ксения». Могильную насыпь над самой могилкой также обделали цоколем, а сверху положили плиту со следующею, неизвестно кем составленною надписью: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. На семь месте положено тело рабы Божией Ксении Григорьевны, жены придворного певчего, в ранге полковника, Андрея Феодоровича. Осталась после мужа 26-ти лет, странствовала 45 лет, а всего жития 71 год; звалась именем Андрей Феодорович. Кто меня знал, да помянет мою душу для спасения души своей. Аминь».

Впоследствии, когда число посетителей могилы рабы Божией Ксении значительно увеличилось, к часовне, с западной стороны, пристроили стеклянную галерею, и, по желанию посетителей, в часовне стали с утра и до вечера дежурить кладбищенские священники для служения панихид по Блаженной.

* * *

Скажем здесь несколько слов о прекрасном обычае русского народа служить по подвижникам, чтимым народом, но еще не причисленным Церковью к лику святых, панихиды.

Православная Церковь, как чадолюбивая мать, учит

нас, что все верующие в Господа Иисуса, и живущие и умершие, составляют между собой одно общество, одну семью. И как в семье близкие и любящие родные во всем помогают друг другу, так и мы, как братья во Христе, должны помогать друг другу: живущие умершим и умершие живым. Живущие должны помогать всем усопшим отцам и братьям своими молитвами и принесением за них бескровной жертвы, а умершие, со своей стороны, помогают своими молитвами пред Богом всем еще живущим на земле*. Совершая панихиду, мы молимся здесь как о прощении грехов усопших, так и об упокоении их «в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, идеже вси праведнии пребывают». Своею молитвою за усопших мы выражаем им свою признательность, свою благодарность за ту любовь, которой мы пользовались от них при жизни и которая, верим, еще сильнее горит в их душах после их смерти. И чем горячее наша молитва, тем действеннее она перед Богом, тем лучше облегчает она участь всех усопших.

Умершие, по своей любви к нам, своими молитвами, своим ходатайством за нас перед Богом стараются отплатить нам за наше усердие, за нашу любовь к ним. И чем человек умерший ближе к Богу, тем дерзновеннее, тем действеннее его ходатайство.

К угодникам Божиим, уже причисленным к лику святых, мы обращаемся со своими молитвами в своих нуждах, как к людям близким к Богу, как к друзьям Божиим, и просим их ходатайства за себя пред Богом, но не молимся об оставлении грехов их,веруя, что Господь изгладит эти грехи за их праведную жизнь и по заслугам Спасителя.

Что же касается угодников Божиих, еще не причисленных к лику святых, то хотя мы и надеемся, что и их грехи также прощены Богом, но мы еще не вполне в этом уверены, между тем знаем, что «нет человека, иже жив будет и не согрешит», а потому и считаем своим долгом совершать по ним панихиды, умоляя Господа не только простить им все прегрешения их, если бы они не были еще прощены, но и вчинить их, «идеже присещает свет животный» и тем доставить им большую и большую степень

---

* Следуя этому завету Св.Церкви и чувствуя свою тесную связь со своими умершими сродниками, все мы считаем своим долгом, своею обязанностью отслужить панихиду или принести бескровную жертву по своим умершим родным и вообще по всем православным христианам.

небесных радостей, райского блаженства, к которому они неустанно стремились при жизни.

В ответ на нашу любовь, на наше сердечное пожелание им больших небесных радостей угодники Божии откликаются нам своею горячею любовью, своим ходатайством за нас перед Богом, своею молитвенною помощью нам.

Тысячи разительных случаев такой помощи известны каждому, кто когда-либо интересовался жизнеописанием подвижников как прежних, так и новых времен.

Весьма обильны проявления молитвенной помощи ко всем, с любовию прибегающим к ней, и от рабы Божией Ксении. Сотни рассказов об этом передаются из уст в уста между посетителями ее могилы. Некоторые случаи молитвенной помощи рабы Божией Блаженной Ксении опубликованы в различных изданиях, но большая часть из них передается пока друг другу устно.

I

СПАСЕНИЕ ДЕВУШКИ ОТ ЗАМУЖЕСТВА С КАТОРЖНИКОМ

Одна вдова, происходившая из очень хорошей фамилии (вдова генерал-лейтенанта) и обладавшая значительными материальными средствами, очень уважала и почитала память рабы Божией Ксении. В то время, как над могилой Ксении задумали устроить часовню, вдова эта приняла в этом деле горячее участие и своими средствами помогла быстро осуществить сооружение часовни.

У этой вдовы была взрослая дочь-невеста. Вскоре после сооружения часовни над могилой рабы Божией Ксении со вдовой и ее дочерью познакомился один полковник; он стал часто бывать у них в доме, сблизился с девушкой и сделал ей предложение выйти за него замуж. Предложение было принято, назначен день свадьбы. По поводу этого события мать и дочь ездили на могилу рабы Божией Ксении, служили там панихиду и просили Блаженную об ее помощи в столь серьезном деле.

Все, знавшие вдову и ее дочь, искренно радовались будущему счастию молодой девушки. И действительно, оба обрученные,жених и невеста, были молоды, красивы, обладали значительными средствами: все, по-видимому, сулило им полное счастье.

«Должно быть, по молитвам Блаженной Ксении, которую они так любят и почитают, Господь и послал им такого хорошего жениха,— говорили знавшие вдову и ее дочь,— Должно быть, молитва Блаженной угодна и сильна перед Богом, и за любовь к себе вдовы она платит ей своею любовью».

И правда, молитва Блаженной была сильна пред Богом. За любовь к себе вдовы Блаженная отплатила ей своею любовью. Но молитвенная помощь Блаженной выразилась совершенно иначе, чем думали люди: молодой девушке никогда уже не пришлось, к ее счастью, видеться с женихом своим.

Вот как это случилось.

Накануне свадьбы мать невесты вместе с дочерью по обычаю поехала на Смоленское кладбище отслужить панихиду по рабе Божией Блаженной Ксении. Во время панихиды она усердно просила Блаженную устроить своею помощью будущее счастие обрученной невесты. И Блаженная тотчас же откликнулась своею помощью на молитвенный зов к себе.

В то время, как вдова с дочерью молились на могилке Ксении, жених-полковник отправился в Главное Казначейство, чтобы получить там по каким-то документам большие деньги.

Войдя в Казначейство, полковник, приготовляя вынутые из кармана документы, не заметил, что стоявший тут же часовой устремил на него удивленный, пристальный взгляд свой.

Внимательно всмотревшись в полковника и, по-видимому, узнавши его, часовой быстро подошел к казначею и тихо сказал ему: «Ваше Благородие, этого человека (причем глазами указал на полковника) нужно сейчас же арестовать. Я знаю его. Разрешите мне сказать ему несколько слов».

Казначей в недоумении взглянул на ничего не подозревавшего полковника и сказал часовому: «Говори!»

Часовой подошел к полковнику, еще раз пристально взглянул ему в лицо и, безо всякого соблюдения чинопочитания, резко спросил его:

«А ты, братец, как сюда попал?»

Услышавши эти слова, полковник побледнел как мертвец и выронил из рук документы.

Присутствовавшая в Казначействе публика, пораженная выходкой часового, тотчас же окружила и часового и полковника.

«Ваше Благородие,– громко сказал часовой, обернувшись к казначею,– Это не полковник, а беглый каторжник! Несколько лет тому назад я сопровождал его как конвойный в Сибирь на каторгу. И теперь я хорошо узнал его. Я не ошибся».

Мнимый полковник, дрожа от ужаса и видя, что ему ничего не остается больше делать, тотчас же сознался, что он действительно каторжник и не так давно убежал из Сибири.

«Убежавши с каторги,– говорил он,– я долгое время, измученный, холодный и голодный, блуждал по тайге. аконец мне удалось перейти Уральские горы. Идя здесь однажды по дороге, пролегавшей среди густого, темного леса, я едва-едва передвигал ноги. Вдруг вижу – догоняет меня в повозке, запряженной в одну лошадь, какой-то офицер. По погонам я узнал, что это полковник. Не желая сталкиваться с кем-бы то ни было, я отошел в сторону от дороги и пошел своим путем дальше, не обращая на офицера никакого внимания и думая, что он меня не заметил. Но я ошибся. Полковник меня заметил. Увидя меня крайне жалкого, усталого и истомленного, он подозвал меня к себе, распросил, кто я такой, и, узнавши во мне человека интеллигентного, сжалился надо мной и пригласил меня к себе в повозку. Что тут дальше рассказывать? Мы ехали самым густым лесом... Сколько тут ни кричи, никто не услышит, никакой помощи не дождешься... Словом, воспользовавшись удобным случаем, я зарезал и сердобольного полковника, и его кучера. Потом полковника раздел, надел его платье на себя, присвоил себе его документы и деньги, обоих зарезанных сбросил с повозки и ускакал. Добравшись до Петербурга, мне, как ловкому и бывалому человеку, особенно же имея при себе все документы, легко удалось выдать себя за полковника. Я познакомился с генеральской дочерью, и завтра уже должна была состояться моя свадьба. Но, видно, Господь услышал молитву сироты-невесты и избавил ее от замужества со мною. А кабы не этот часовой, я завтра был бы уже женат».

Мнимый полковник тотчас же был арестован, предан суду и в виду многочисленности его преступлений приговорен к смертной казни.

Да, Блаженная Ксения умеет платить своею любовью тем, кто сам ее любит и почитает.

II

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕТЕЙ В КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Одна полковница привезла в Петербург, для определения в Кадетский корпус, двух сыновей своих. Но все хлопоты полковницы оставались бесплодными. Несмотря на то, что дети ее хорошо выдержали экзамен, на их долю все-таки не оставалось свободных вакансий ни в одном корпусе. На полковницу нашло страшное уныние; она впадала уже в отчаяние, оставалась одна надежда на Господа Бога. Но наконец, потерявши всякую надежду на определение детей своих в корпус, она решила ехать обратно домой. В день отъезда, идя по мосту, она горько плакала. В это время с ней повстречалась какая-то неизвестная ей женщина, одетая в простую юбку и кофту, и, видя плачущую полковницу, спросила ее:

«О чем ты плачешь? Поди, отслужи панихиду на могиле Ксении, и все будет хорошо!»

«А кто эта Ксения?» – спросила, не переставая плакать, удрученная горем мать.

«Язык до Киева доведет»,– отвечала незнакомка и тотчас же скрылась.

Полковница тут же расспросила, кто такая Ксения и где находится ее могила, съездила на Смоленское кладбище, отслужила панихиду по рабе Божией Ксении, и, когда вернулась на квартиру, ей передали приглашение явиться в один из кадетских корпусов. Там она узнала, что оба сына ее приняты.

III

. . . .

IV

ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ ТРЕХЛЕТНЕЙ ДЕВОЧКИ ПО МОЛИТВЕННОЙ ПОМОЩИ РАБЫ БОЖИЕЙ БЛАЖЕННОЙ КСЕНИИ

(Изложено со слов М.Г.Григорьевой*)

Три-четыре года тому назад мне случилось быть в гостях в одном аристократическом семействе С.-Петербурга, выехавшим года полтора тому назад, вследствие беспо-

* Рассказано в 1906 году.

рядков в России, куда-то за границу. Радушная старушка хозяйка (теперь уже умершая; погребена в Александро-Невской Лавре) в числе прочих своих родных и гостей представила мне и свою 11-летнюю внучку, обучавшуюся в институте.

«Вот, посмотрите,— говорила мне радушная хозяйка, гладя по голове девочку,— какая она у нас милая, здоровая, красавица да умница... А музыкантша-то какая славная! А верите ли, мы ведь и не думали видеть ее такой цветущей и здоровой... И все это случилось благодаря помощи, знаете ли кого? Вот уж никогда не угадаете!.. Вы думаете, может быть, доктора помогли? Нет, вовсе нет... Правда, Олечка родилась здоровенькой, и кормилица у нее была хорошая... Но на третьем году, Бог весть отчего, должно быть, от простуды, у Олечки случилась такая серьезная болезнь, что мы не смели и думать, что она останется живой, а в том, что она будет глуха, мы были вполне уверены и рады были даже помириться с этим. Да и все доктора так говорили. Не желаете ли, я вам расскажу историю болезни моей дорогой внучки, нет, впрочем, угадайте сначала, кто помог ей и возвратить здоровье, и глухой не остаться?».

«Наверное,— говорю я ей,— вашей внучке помогли какие-нибудь домашние средства? Ведь часто случается, что доктора бьются изо всех сил, употребляют всевозможные средства медицины, но ничто не помогает... и вдруг самое простое народное средство ставит больного на ноги».

«А знаете, М.Г., ведь вы почти что угадали, хотя, разумеется вы думаете совершенно о других средствах... Моя внучка исцелилась действительно средством народным, но вовсе не тем, о которых вы говорите... Она исцелилась таким средством, которое я посоветую никому и никогда не забывать, а как можно чаще им пользоваться. Вот послушайте, что я вам расскажу. Олечка, иди, душечка, займи гостей... я хочу поговорить с М.Г.

Мой сын женился 12 лет тому назад. У него всего двое детей — две девочки: Олечка и Саша. Оле 11 лет, и Саше 7 лет. В то время как заболела Олечка, Саша еще не родилась. Оля была единственным ребенком, составляющим счастие всех нас. Как мы ее берегли, как лелеяли, я вам говорить об этом не стану... Вы сами имеете детей и знаете, как они дороги для родителей. А она у нас была одна, мы все в ней души не чаяли... И вдруг, что же? Сначала стала жаловаться, что у ней болит головка. Померили темпера-

туру... 37° с небольшим. Сейчас же напоили ее чаем с малиновым вареньем, дали несколько капель акониту, уложили в постель и думали, что к утру все кончится благополучно. Но ночью Олечка спала плохо, головная боль продолжалась и на следующий день. Позвали доктора. Доктор постукал больную, пощупал пульс, посмотрел язык, померил температуру и нашел, что опасного ничего нет, что у больной в легкой форме инфлюэнца. Прописал лекарство и уехал. Пользуем мы его лекарством больную день, два. Больной нисколько не легче... температура поднялась до 39°, и Олечка стала жаловаться, что у нее правое ушко колет. Снова позвали доктора. Он нашел осложнение инфлюэнцы и стал опасаться нарыва в правом ухе. Снова прописал лекарства и обещал побывать на следующий день. Ночь больная спать уже не могла: температура поднялась до 40°, боль в ухе стала невыносимой. Мы снова ночью позвали доктора, но он сказал, что до утра ничего нельзя сделать, что дело приняло серьезный оборот и что лучше бы было позвать специалиста по ушным болезням. Можете себе представить, в каком волнении были все мы, а особенно мать и отец! Сейчас же разослали карточки к ушным докторам с просьбой непременно пожаловать к больной в 8 часов утра. Спасибо, доктора не отказали в нашей просьбе. Утром явилось их четверо. Наш доктор рассказал им историю Олечкиной болезни, и все они начали со всех сторон и по всем правилам медицинского искусства осматривать и выслушивать больную, которая все время или жалобно стонала или так громко и больно кричала, что разрывала всем нам сердце. Когда же доктора стали рассматривать больное ухо, я даже не помню, что со мной сделалось... Крики и стоны бедной девочки до того были ужасны, страдания ее были до того тяжелы, что я до сих пор не могу себе представить, как мы все с ума не сошли от ее невыразимых мучений. Но всему бывает конец. Кончилось и осматривание докторов. Началось длинное совещание. С ужасом ждали мы приговора. И действительно, что может быть ужаснее того, что мы услыхали? Доктора нашли, что у Олечки нарыв сзади барабанной перепонки, что нужно дать этому нарыву время окончательно созреть, а это продолжается дня три-четыре, затем просверлить барабанную перепонку и выпустить гной нарыва. Если эта операция сойдет благополучно, девочка останется жива, лишь будет глуха на правое ухо. Если же не сделать сверления барабанной перепонки, то от нарыва непременно произойдет заражение

крови, и девочка должна будет умереть. Я и теперь не могу спокойно об этом вспомнить. Можете же себе представить, что мы передумали и перечувствовали в то время, а особенно отец и мать Олечки? И целых три дня продолжалась эта пытка. Никто из нас не раздевался, никто не думал прилечь... Все мы молча, на цыпочках, ходили или сидели около комнаты мечущейся страдалицы, и сами не меньше ее, кажется, страдали от ее мучений; все мы затыкали уши от ее стонов и никак не могли отойти от ее двери. Сколько горячих молитв было вознесено на небо, сколько горьких слез было пролито нами в это время — одному Богу известно. Но, должно быть, чья-нибудь молитва была услышана Господом...

Навещавшие, по нескольку раз в день, больную доктора, успокаивая всех нас, два дня говорили, что болезнь идет вполне нормально, а на третий день утром сообщили, что завтра можно будет сделать операцию. Между тем страдания больной, а вместе с ней и наши в этот день достигли, кажется, еще небывалой степени. Что у нас тогда было, я теперь и вообразить себе не могу. Больная страшно и жалобно стонет, отец рвет на себе волосы, мать чуть с ума не сходит, извелась совершенно, я также сделалась ни на что не годной... а между тем все мы сидим рядом с комнатой больной, изредка туда заглядывая, и отойти не можем. Завтра, думаем, операция... Олечка или умрет, или останется на всю жизнь глухой. Господи, неужели нет средств избавить всех нас от столь невыносимых страданий!.. Да где же милосердие и любовь Господа?.. Мы готовы уже были впасть в совершенное отчаяние. Но тут-то милосердный Господь и явил всем великую Свою милость. Сидим мы все трое — сын, невестка, я в комнате рядом с больной, боимся слово сказать, все прислушиваемся к стонам умирающей и, изверившись в помощь земную, все еще не теряем надежды на помощь небесную, со слезами просим и молим об этом Подателя всяческих... Вдруг входит няня Агафья Никитишна и говорит:

«Батюшка барин, позвольте мне съездить на Смоленское кладбище к Блаженной Ксении, я слышала, что ее молитва многим помогает в горе».

«Голубушка няня,— отвечает сын,— делай, что хочешь, только помоги нам... Видишь, мы ничего не понимаем... Поезжай куда хочешь, только помоги ты нам, Христа ради!»

Вышла няня, а мы все сидим... Сколько времени поси-

дели мы так, я уже и не знаю... Только замечаем, что стоны больной становятся как будто тише и тише, а наконец и совсем прекратились.

«Скончалась, бедняжка!» — мелькнуло в нашем сознании... и мы, все трое, ворвались в комнату Олечки. Смотрим: у кровати больной стоят няня и сиделка, больная лежит на правом бочку и тихо, спокойно спит.

«Слава Богу,— тихонько шепчет нам няня,— я съездила на Смоленское кладбище к Блаженной Ксении, помолилась там, привезла с ее могилки песочку да маслица из лампадки... Теперь Олечке станет легче».

Как очумелые стояли мы у кровати Олечки, слушали слова няни, ничего не понимали, но чувствовали, что с больной действительно произошла разительная перемена и что опасность миновала...

С истерическим воплем бросился отец малютки на грудь своей жены, и не знаю уж, долго ли сдерживаемое горе, или неожиданная радость вырвалась в его рыданиях, только едва нам удалось его успокоить, оттащить от кровати больной и уложить в постель.

Как и мы с невесткой вышли из комнаты больной, как и где, не спавши трое суток, мы уснули, я тоже не помню. Только утром, лежа у себя на диване, вдруг, слышу, громко зовет меня няня: «Барыня, а барыня, встаньте, пожалуйста... доктора приехали, а барина с молодой барыней никак не добудишься».

«Ну что,— вскочила я,— как Олечка?»

«Слава Богу,— говорит няня,— почивают, и всю ночь на правом бочку почивали».

Я тотчас же, нечесаная и немытая, пошла, разбудила сына и невестку, сказала им, что приехали доктора и что Олечка спокойно спит.

Как бы испуганные тем, что осмелились на целую ночь оставить при смерти больного ребенка, вскочили они с постели, кое-как оделись и побежали к Олечке.

А я вышла в гостинную к докторам, извинилась пред ними и рассказала, что Олечка, слава Богу, со вчерашнего дня спокойно спит.

«Ну, ничего, подождем; пусть, бедняжка, подкрепится пред операцией-то: ведь это дело не легкое, тем более для маленького измучившегося ребенка»,— говорили мне доктора.

Вышли отец и мать и также подтвердили, чо девочка спит.

Такое положение ребенка, по-видимому, хоть немного

должно бы было нас утешить, порадовать. Но присутствие докторов и мысль об операции снова напомнили нам об опасности положения, и снова нелегко стало у нас на сердце.

Но что же мы могли поделать? Нужно же было избавить больную от страданий, нужно было решиться на операцию... Сидим мы час, другой. Доктора, вначале спокойно разговаривавшие между собою, начали мало-помалу выражать нетерпение и наконец попросили разбудить девочку. Сначала пошла туда мать. Вместе с сиделкой и няней начинает она будить ребенка,— Олечка, Олечка, проснись, милая! — но она, бедная, спит да и все тут. Идет туда отец, за ним я с докторами. Все мы по очереди будим ее, зажимаем носик, она немножко повернется, а все-таки спит и никак не может проснуться.

Наконец мать берет Олечку на руки и вынимает из постели...

Смотрим: вся подушечка, правое ухо, щечка, шея, рубашечка, простыня — все покрыто гноем: нарыв прорвался; а здоровая девочка и на руках матери продолжает спокойно спать.

Подивились доктора такому счастливому исходу болезни, научили нас, как нужно промывать ушко, и уехали. А мы все, положивши спящую девочку на новую постельку, приступили к няне с просьбой рассказать, что она сделала и каким образом девочка стала здоровой?

«Ничего я, барыня, не сделала, я только съездила на Смоленское кладбище к матушке Ксении, отслужила там панихиду, взяла маслица из лампадки да скорее домой. Приехала, вошла к Олечке, а пузырек-то с маслицем спрятала в карман, да и жду, скоро ли выйдет из комнаты сиделка, потому боюсь, что она рассердится, если увидит, что я хочу пустить маслица в больное ушко. «Няня, посиди тут, я на минутку выйду»,— вдруг говорит сиделка. Уж так я-то обрадовалась, когда она сказала это. «Хорошо, хорошо,— говорю,— уж вы будьте спокойны...» И лишь только затворилась дверь за сиделкой, я тотчас же подошла к Олечке, немножко сдвинула с ушка повязку (девочка всегда лежала на левом боку) и прямо из пузырька полила ей маслица в ушко. Не знаю уж, и попало ли туда хоть что-нибудь, больно уж велика была опухоль-то... Ну да, думаю, как Богу угодно да Матушке Ксении... Снова надвинула барышне повязку на ушко, смотрю, она постонала немножко, повернулась на правый бочок да и глазки закрыла, засыпать, значит, стала.

Вошла сиделка да и говорит: «Что это, никак она кончается?»

«Нет,— говорю,— заснула».

Подошли мы с сиделкой к кроватке, а барышня сладко, сладко так спит и ротик открыла... а тут и вы все пришли в комнату. Больше я ничего не делала».

«Да кто тебя научил съездить к Ксении? Откуда ты узнала про нее?» — спросили мы.

«Я, батюшка барин, и вы, барыни, давно про нее знаю, много раз бывала на ее могилке, видела, что там берут землицы и маслица для исцеления, значит, от разных болезней, да мне-то не приходилось этого делать; я, благодарить Бога, всегда была здорова. И вот теперь, сидя у постели барышни, я чего не передумала, вспомнила и про матушку Ксению... Много раз уже хотела я сказать вам, чтобы вы отпустили меня на ее могилку, да все боялась, думала, что вы смеяться или бранить меня будете. А потом, когда уже барышня чуть не кончалась, я не утерпела: думаю, пусть смеются, пусть бранят меня, а я все-таки пойду, попрошусь на могилку ко Ксеньюшке, может быть, и пустят, а не пустят, думаю, так я потихоньку как-нибудь съезжу. А вы, слава Богу, сразу же меня и отпустили. Взяла это я извозчика, тороплю его, еду, а сама все думаю: «Господи, неужели Ты не поможешь такой крошке страдалице? Ну за что она страдает?» — а слезы-то, слезы-то так и текут у меня из глаз... Приехала это я к воротам кладбища, велела извозчику обождать меня, деньги ему вперед отдала, а сама бегом в часовню ко Ксении. Отворила дверь, смотрю, народ стоит и молится, свечи, лампадки горят кругом могилы, а в стороне стоит в облачении священник. Я прямо к нему и говорю: «Батюшка, отслужи ты мне, Христа ради, панихиду по рабе Божией Блаженной Ксении да помолись за болящего младенца Ольгу, больно уж она, бедная, страдает».

«Хорошо, хорошо,— говорит священник,— панихидку я отслужу, помяну в молитвах и болящего младенца Ольгу, а ты сама-то хорошенько молись да усерднее проси помощи у рабы Божией Ксении. По мере твоей веры и молитвы ты и помощь получишь такую же».

Купила я скорее две свечечки, одну поставила на подсвечник, другую взяла в руки и бросилась со слезами к самой могилке Ксении. Батюшка начал панихиду, а я все плачу да твержу: «Господи, спаси, Ксеньюшка, помоги»,— больше ничего и сказать не придумала: ведь я глупая, неученая, не умею молиться-то. Кончилась панихида, за-

платила я за труды священнику, взяла, с его благословения, землицы с могилки Ксении да маслица из лампадки и сейчас же домой.

Масло-то, я вам уже говорила, я вылила в больное ушко, а землицу завернула в тряпочку да положила барышне под подушечку. Она и теперь там лежит».

«Да от кого ты узнала про Ксению-то? Кто тебе про нее рассказал?» — спросила я.

«От кого я узнала про Ксению, матушка барыня,— сказала няня,— я и сама не знаю, все ее знают; заболеет ли кто или кого какое горе постигнет, все идут к ней на могилку, помолятся там, отслужат панихидку, глядишь, и станет легче. Вот и наш брат — кухарки, горничная, няньки и другие, если случится, что кто-нибудь долго не имеет места, идет к Ксении, помолится там, глядишь, и место получит».

Подивились мы простой, бесхитростной вере нашей няни, но факт был налицо: Олечка выздоровела; вера действительно, по слову Господа, может и горы переставлять.

На другой же день после исцеления Олечки и сын и невестка ездили на могилку Ксении и отслужили там панихиду. И с тех пор все мы нередко ездим туда служить панихиды по рабе Божией Ксении и благодарим ее за ее чудесную помощь в нашем страшном горе.

Так вот,— закончила свой рассказ словоохотливая, радушная хозяйка,— то народное средство, которое никогда не нужно забывать и которое я всегда и всем рекомендую. Это именно то единственное средство, которое возрастило, укрепило и сделало русский православный народ, на удивление всему миру, могучим исполином, богатырем. Не будь этого средства, не будь этой глубокой, сердечной и вместе простой веры у русского народа в Господа Бога и его святых угодников, Бог весть, что из него вышло бы!

Но вы знаете, М.Г., что времена переменчивы, дело в том, что я много раз рассказывала о болезни Олечки и ее чудесном исцелении своим знакомым, но удивительное дело, многие из них никак не хотят видеть тут что-нибудь чудесное. Времена что ли настали другие, или уж наука пошла у нас не по настоящему пути, что никто нигде и ни в чем не хочет признавать чудесного, не знаю, но только все и все у нас хотят объяснить путем естественным. Так и в болезни Олечки: многие говорят, что это случай, что главную роль тут играло масло, которое размягчило нарыв, нарыв и прорвался. Ну да и пусть говорят, что им

угодно, их ведь не переубедишь. Дай только Бог побольше таких случаев. Вот как к ним самим придет беда, тогда мы посмотрим, далеко ли они уйдут со своими естественными средствами? Я же никогда не перестану думать и верить, что Олечка и не глуха и здорова, благодаря только помощи рабы Божией Блаженной Ксении, которую поэтому и буду всегда глубоко почитать, как угодницу Божию и молитвенницу за всех тех, кто ее любит и кто прибегает к ней за помощью.

V

. . . .

VI

ИСЦЕЛЕНИЕ БОЛЕЗНИ ПОДПОЛКОВНИКА ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА НИКОЛЬСКОГО

В течение многих лет, еще со времени сидения на высотах Шипки, при защите от турок горы Св.Николая, а затем и при многих других обстоятельствах, подполковник В.И.Никольский простудился, но, не любя лечиться, да и не имея для этого достаточно времени, он запустил болезнь до того, что доктора послали его на Сакские грязи в Крым. Ездил он в Саки три раза, но каждый раз по возвращении снова простужался, и болезнь возвращалась обратно. После третьей поездки болезнь наконец так усилилась, что он уже с трудом передвигал ноги.

Врачи и профессора, к которым он обращался, осмотревши его, пожимали плечами, и все говорили почти одно и то же: «Что же, помазать можно, но я не Бог!»

Видя всю безнадежность своего положения, В.И. совершенно пал духом. Этому способствовало еще и сознание, что он еще слишком мало обеспечил свою семью, что ей придется после его смерти быть чуть не нищей, так как заслуженная им пенсия не могла удовлетворить и самых насущных потребностей жизни. Но, вспомнив, что многие получают помощь и исцеление по молитвам на могиле рабы Божией Ксении, В.И. решился непременно побывать на этой могиле. Дойти до Смоленского кладбища пешком он решительно не мог, но и ехать на извозчике также не хотел; он пожелал взять на себя хоть какой-нибудь труд, чтобы молитва его была более угодна. И вот что он придумал: дойти пешком (он жил на Ямской улице) до Смоленской конки, на конке доехать до конца 17-й линии

Васильевского острова и от 17-й линии опять пешком дойти до часовни Ксении.

С раннего утра отправился он в путь. На черепашью ходьбу до конки он затратил чуть не полдня, минут 40-50 ехал на конке и от конки до часовни Ксении шел чуть не два часа. В часовню рабы Божией Ксении он добрался уже вечером, когда священник заканчивал последнюю панихиду и собирался идти домой. Владимир Иванович попросил священника отслужить еще одну панихиду по Блаженной, кое-как стал на колени и с умилением помолился.

Когда кончилась панихида, он поспешил приложиться к могилке Блаженной, так как часовню стали уже запирать, и пошел из часовни вместе со священником, дорогою расспрашивая его о рабе Божией Ксении.

Распростившись со священником почти у самой остановки конки на углу 17-й линии и Камской улицы, Владимир Иванович тут только опомнился и весьма был поражен тем, что он совершенно свободно прошел расстояние от часовни до конки, на что минут 30-40 тому назад потратил целых два часа! Еще раз решился он испытать свои ноги, а потому пошел пешком до следующего разъезда конки на Малом проспекте, хотя вагон готов уже был тронуться, так как подходил уже сменный вагон. И расстояние от конца 17-й линии до разъезда на Малом проспекте он прошел так быстро, что вагон конки не мог его догнать, и он несколько времени ждал его.

Какая охватила в то время радость В.И., он не в состоянии был описать. И с тех пор он владеет ногами, как и все здоровые. Кроме ревматизма, у В.И. было расширение вен и застой венозной крови. Владимир Иванович Никольский состоял на службе в 93-м пехотном полку с 23 февраля 1873 года и был жив еще в 1907 году.

VII

. . . .

VIII

ИСЦЕЛЕНИЕ ОТ БОЛЕЗНИ И ПРЕДСКАЗАНИЕ О РОЖДЕНИИ ДЕВОЧКИ КСЕНИИ

Однажды был сильно болен человек, очень высокого

звания и происхождения*. Жизнь его находилась в серьезной опасности. За ним ходила, неотлучно находясь при нем, его супруга.

Как-то раз в коридоре ее остановил человек, несший обязанности истопника в их покоях, и попросил у нее позволения дать совет в помощи больному. Получив на это разрешение, он рассказал, что и сам он был когда-то сильно болен и получил исцеление, когда ему принесли песку с могилки рабы Божией Ксении. И тут же он передал часть этого песку с просьбой положить его под подушку больного, которого, за его доброту и доступность, любили все, кто знал его.

Супруга больного исполнила просьбу доброжелательного слуги.

Ночью, сидя у постели больного мужа, она забылась, и ей было видение.

Перед нею стоит старая женщина, странного вида и в необыкновенном платье, и говорит ей: «Твой муж выздоровеет. Тот ребенок, которого ты теперь носишь в себе, будет девочка. Назовите ее в мое имя Ксенией. И она будет хранить вашу семью от всяких бед».

Когда супруга больного пришла в себя, женщины уже не было.

Но все, что сказала явившаяся в видении с утешением и вестью добра Блаженная Ксения страдавшей жене, исполнилось с буквальной точностью.

Больной выздоровел, и следующий ребенок их была девочка, которую они назвали Ксенией.

Поминая явленную помощь от Блаженной Ксении, благодарная и благочестивая супруга ежегодно приезжала на могилу Блаженной и совершала по ней панихиду. От исполнения этого сердечного долга ее не могли остановить ни множество, ни сложность ее дел и обязанностей.

Замечательно, что через несколько месяцев после того, как дочь их, нареченная Ксенией, была выдана замуж, на семью их обрушилось страшное горе. Отец семьи, исцеленный некогда по предсказанию Блаженной, заболел и скончался в полном расцвете лет и, казалось, богатырских сил.

---

* Наследник-цесаревич Александр Александрович (Император Александр III).

IX

. . . .

X

. . . .

XI

РАЗЫСКАНИЕ СКРЫВШЕГОСЯ МУЖА ПО МОЛИТВЕННОЙ ПОМОЩИ РАБЫ БОЖИЕЙ КСЕНИИ

В конце минувшего столетия в городе Вильно много лет проживало семейство Михайловых, состоявшее из мужа, Коллежского Советника, военного чиновника в отставке, жены Марии Васильевны и единственной их дочери Евгении, обучавшейся в гимназии. Муж получал 970 руб. в год пенсии. И на эти скромные средства, при взаимной любви друг к другу, семья жила вполне счастливо.

Но судьба сулила всем членам этой семьи иную долю.

Однажды дочка простудилась, получила воспаление легких и умерла. Страшно убивались от этого горя родители: жена целые дни проводила на могилке дочери, а муж стал пить водку. В пьяном виде он обладал несносным, придирчивым характером. В семье вместо прежней тихой жизни настал настоящий ад: каждый день шум, крик, ругань, драка. Житья не стало бедной Марии Васильевне. Наконец муж как будто бы одумался: перестал пьянствовать, ходил целый день мрачный, о чем-то задумывался, и с утра до поздней ночи пропадал из дома, почти не разговаривая с женой.

Прошло месяцев 7-8 со смерти дочери. Вдруг муж объявил Марии Васильевне, что дольше оставаться в Вильне он не намерен, что он получил частное место в Ташкенте и что если она хочет ехать вместе с ним, то может тотчас же распродать свое имущество и укладываться: через неделю он едет. Если же не желает ехать с ним, то может остаться в Вильне: он будет высылать ей 50-60 руб. в месяц на содержание.

Долго раздумывала Мария Васильевна над предложением мужа. Но, с одной стороны, горячая привязанность к умершей дочке и привычка к жизни в Вильне, а с другой — боязнь жизни с пьяным мужем, от которого она так много

горя видела в последнее время, и притом в чужой дальней стороне,— склонили ее остаться в Вильне.

Первые месяцы он аккуратно высылал жене содержание, хотя писем и не писал. Затем содержание стало высылаться реже и реже и наконец прекратилось совершенно.

Марии Васильевне пришлось распродать свою обстановку, вещи... Сначала она поселилась в комнатке... и наконец средства ее истощились окончательно: нечем было платить и за комнату, нечего было есть. Оставалось питаться Христовым именем. К ее счастию, на помощь ей пришло Виленское общество защиты женщин, случайно узнавшее об ее печальном положении, определило ее в богадельню и принялось за розыски мужа.., но толку из этого не вышло никакого. Тогда Марии Васильевне посоветовали самой съездить в Петербург и здесь навести справки об ее муже. Приехала Мария Васильевна в Петербург и прежде всего, не имея средств, стала искать себе уголок, где бы можно было приютиться. Долго ходила она по различного рода богадельням, приютам и наконец попала в общежитие работниц. Радехонька была Мария Васильевна и этому приюту. Но радость ее была преждевременна. Сожительницы ее были молодые веселые девушки, а ей было уже 58 лет. Начались издевательства, насмешки, всякого рода попреки и упреки. Между тем и хлопоты Марии Васильевны по розысканию мужа были вполне безрезультатны: в военных канцеляриях ей сообщали только, что из Ташкента он перешел туда-то и туда же перевел и пенсию, а где он живет, адрес его, дабы можно было привлечь его к суду, сообщить не могли. (Впоследствии оказалось, что Михайлов со времени отъезда из Вильны семь раз менял службу и местожительство.) В полное уже отчаяние приходила бедная Мария Васильевна. Целыми днями сидела она в садике при Греческой на Песках церкви и оплакивала свое, по-видимому, безысходное горе.

Однажды, когда Мария Васильевна, по обычаю, сидела в садике, к ней подсела какая-то старушка, разговорилась с ней, расспросила про ее горе и, прощаясь, сказала:

«Охота Вам, матушка, таскаться по разным канцеляриям, ступайте-ка лучше на Смоленское кладбище к Блаженной Ксеньюшке, помолитесь там хорошенько, и Ксеньюшка разыщет вам мужа».

«А кто же эта Блаженная Ксеньюшка?» — спросила Мария Васильевна.

«А вот когда она разыщет вам мужа, тогда вы и узнаете,

кто она.– отвечала старушка.– Прощайте, мне больше некогда с вами разговаривать, других дел много. А ко Ксеньюшке сходите непременно. Каяться не будете!»

С этими словами старушка простилась с Марией Васильевной и ушла. Мария Васильевна подумала, подумала да поплелась пешочком на Смоленское. Нашла там и часовню рабы Божией Ксении. Простояла в часовне несколько панихид, поплакала, хотела было и от себя отслужить панихиду, да денег не было. И опять поплелась пешком в общежитие работниц.

На другой день сходить в Канцелярию она уже не могла, очень болели ноги от вчерашней усталости. А на третий день пошла в Канцелярию, и представьте ее удивление, когда там тотчас же сообщили, что муж ее в настоящее время проживает в Кишиневе на такой-то улице и в таком-то доме. Тотчас же подала Мария Васильевна в С.-Петербургский Окружной Суд прошение о выдаче ей законной части из пенсии мужа. Началось дело, и определением Суда ей присуждено было выдавать из пенсии мужа 30 руб. в месяц.

Со времени присуждения пенсии Мария Васильевна проживала в богадельне Марии Андреевны Сабуровой – угол Манежного и Церковного переулков в Петербурге, нередко навещала часовню рабы Божией Ксении. А затем отправилась в Вильно, чтобы жить, скончаться и быть погребенной рядом со своей дорогой дочкой.

XII

МНОГОКРАТНАЯ МОЛИТВЕННАЯ ПОМОЩЬ РАБЫ БОЖИЕЙ КСЕНИИ ОДНИМ И ТЕМ ЖЕ ЛИЦАМ

1-й случай

Существует мудрое народное изречение – »кто в море не бывал, тот горя не видал» или «кто по морю не ездил, тот Богу не маливался». Эти изречения указывают на то, что тихое, спокойное, ласковое море не всегда бывает таким. Приятно прокатиться по тихому, спокойному морю. Кажется, никогда бы не расстался с кораблем. Но вот начинает подувать ветерок, гладкая поверхность моря начинает покрываться зыбью, появляются маленькие волны, начинают показываться беленькие гребешки, а ветер между тем все крепнет да крепнет. О тишине уже нет и помину. Корабль, как щепка, начинает носиться по стра-

шным волнам: никакая, думается, сила не может справиться с бушующей стихией. Испуганные пассажиры, видя безуспешность команды корабля справиться с налетевшим нежданно горем, приходят в полное отчаяние. Часто тут только они вспоминают про Господа Бога, теперь только начинают со слезами молиться к Нему о помощи.

Точно то же явление бывает и в море житейском. Живет себе человек весело и беззаботно, пока все идет у него тихо и спокойно, живет и мало думает о будущем, редко взор свой обращает на небо. Но вдруг налетает на него неожиданная житейская буря. Как волной смоет она все его надежды и расчеты. Как утлый челн начинает носиться он по бурному житейскому морю, всюду ищет он себе помощи и поддержки, но иногда этой помощи он себе и не находит. Нередко, по-видимому, приходит человеку полная гибель. И действительно, эта гибель приходит для того, кто забыл Бога, кто не искал у Него помощи и заступления. Но счастлив тот, кто хотя только в тяжелую годину вспомнит Господа Бога, кто ищет у Него помощи и защиты.

В подтверждение сказанного могут служить следующие случаи.

В одной из солидных торговых фирм С.-Петербурга служит молодая еще женщина А.А. Вот что она сообщила о себе в своих двух письмах.

«В начале текущего столетия, будучи еще молодой девушкой, я поступила на службу кассиршей в один из магазинов Петербурга. Здесь я познакомилась, а затем и полюбила одного из своих сослуживцев. Вышла за него замуж, и оба мы вместе стали служить в одном и том же магазине. Муж мой пользовался репутацией расторопного, знающего свое дело человека, умело обращающегося с покупателями. Кроме того, он свободно владел немецким языком и умел привлечь покупателей из немцев. Узнала о нем одна Московская торговая фирма и переманиа моего мужа к себе в Москву на двойной оклад жалованья. Долго уговаривал мужа наш хозяин остаться у него на службе, обещаясь прибавить ему жалованья, но муж не согласился на его предложение и уехал со мной в Москву. Но неласково встретила нас матушка-Москва. Новые сослуживцы мужа стали ему завидовать и устраивали всякого рода неприятности. Целый год прожили мы в этих условиях. Но наконец муж не выдержал, бросил службу, и мы снова вернулись в Петербург, надеясь, что прежний

хозяин возьмет мужа к себе. Но расчеты наши оказались неправильными. Прежний хозяин, обиженный уходом мужа, решительно отказался принять его снова на службу. Началось скитание по различного рода магазинам с просьбой дать какое-нибудь место. Долго тянулось так время. Все не только сбережения, но даже вещи и одежда были нами прожиты. Наступили крайняя нужда и бедность. Житейская волна захватывала нас все сильнее и сильнее. Казалось, не было выхода из тяжелого положения. Но тут-то и явилась помощь оттуда, откуда, казалось, нельзя было ее и ожидать. Однажды я разговорилась с одной соседкой о своем тяжелом положении, и она посоветовала мне съездить помолиться на Смоленское кладбище к Блаженной Ксении. «Поезжайте, матушка, ко Ксеньюшке, непременно поезжайте: она многим помогает. Да и мужа с собой захватите»,— сказала она. Как бы чешуя спала с моей грешной души от этих слов глубоко верующей женщины. «В самом деле, что же я, глупая, до сих пор не вспомнила Господа Бога? Отчего я к Нему не обратилась, у Него не искала помощи и заступления?» — думала я. И тотчас же побежала к мужу и стала его уговаривать сходить на Смоленское помолиться на могиле Ксении, хотя муж мой и был лютеранин. Говорят, утопающий хватается за соломинку. Так и муж мой тотчас же ухватился за мое предложение, и мы немедленно пошли на Смоленское. Долго стояли мы в часовне. Я усердно молилась Блаженной и просила ее о помощи в нашем горе. К вечеру пришли мы к себе в комнату, я приготовила кипятку, заварила чаю, и мы сели за стол пить чай. Вдруг отворяется дверь, и к нам входит наш знакомый — приказчик одного хорошего магазина на Петербургской стороне. «А я к вам, Иван Иванович, с предложением,— сказал он, здороваясь с моим мужем.— У нас умер старший приказчик, на его место уже назначен его помощник, а место последнего свободно; жалованье приличное: нужно только знание немецкого языка. Я рекомендовал вас, и хозяин велел вам прийти». Подивились мы с мужем скорой помощи от рабы Божией Ксении, но ничего пока никому не говорили. На другой день муж был у хозяина, сговорился с ним и поступил на службу. Снова зажили мы счастливо, непрестанно благодаря рабу Божию Ксению за ее дивную помощь.

Но и это счастие ненадолго выпало на мою долю. Не успели мы еще как следует оправиться, не успели обзавестись приличной одеждой, как муж мой простудился и

слег в постель. Месяца два пролежал он больным, и, несмотря на мой тщательный за ним уход и помощь доктора, умер. Болезнь и похороны мужа опять довели меня до крайней бедности и до страшного нервного расстройства. Спасибо родным мужа. Видя мою крайнюю бедность и беспомощность, они приютили меня. Целый почти год я прожила у них. За это время я несколько поправилась здоровьем, но нравственное самочувствие мое стало, кажется, еще хуже. Будучи еще молодой и способной к работе, я видела, что съедаю последние крохи у бедных родственников, а потому всячески старалась найти себе хоть какое-нибудь занятие, но все мои усилия оставались напрасными. Тогда я решилась расстаться с Петербургом и уехать за город в глухую деревню, где жили мои знакомые, с которыми свела меня судьба во время бедствований с покойным мужем. Раньше они говорили мне, что летом в деревне можно наниматься работать в поле и хоть с трудом, но все же можно жить. Накануне отъезда я сходила на могилку Ксении, помолилась там и попросила у нее себе помощи, а на другой день отправилась в деревню. Встреченная радушно своими знакомыми, я рассказала им о своем бедственном положении и просила их подыскать мне какое-нибудь дело. «Да чего лучше, матушка А.А.,— говорила мне моя знакомая,— завтра мы будем сажать в огороде лук, свеклу и морковь, ты нам и поможешь. А там и другое дело найдется». Я рада была, что с завтрашнего же дня примусь за дело. И готовилась к этому. Но не судил Господь испытать мне силу в крестьянском труде. На другой же день я получила письмо от того хозяина, где я раньше служила с покойным мужем. Он предлагал мне занять прежнее место кассирши. Я, разумеется, с радостью согласилась на предложение и немедленно вернулась в Петербург. Снова засияли для меня светлые, радостные дни. Дело я знала и занималась им охотно, ежедневно благодаря Блаженную Ксению за ее дивную мне помощь.

Так протекло целых три с половиной года. Отношения мои к хозяину, управляющему фирмой и ко всем сослуживцам были самые наилучшие. Хозяин обещал даже прибавить мне содержание.

Но с некоторого времени я вдруг стала замечать со стороны управляющего какие-то ко мне придирки и грубое со мной обращение. То же самое со временем я заметила и со стороны хозяина. Не понимая, в чем дело, я удвоила свои старания и всеми силами старалась опять войти в до-

брые отношения к своему начальству. Но все было напрасно: придирки и постоянные, несправедливые замечания стали повторяться ежеминутно; оставаться на службе при таких условиях не представлялось никакой возможности. Горько плакала я, решаясь бросить свою службу и зная, как тяжело одинокой женщине жить в Петербурге, не имея средств и занятий.

До конца месяца, когда я решила оставить службу, оставалась неделя. В первый же праздничный день я, по примеру прошлых лет, отправилась на Смоленское кладбище к Блаженной Ксении, отслужила по ней панихиду и усердно просила ее помочь мне в приискании нового места. И что же? Придя на другой день в магазин, я вдруг заметила, что управляющий не только ко мне не придирается, но по-прежнему очень со мной вежлив, благодарил меня за работу и просил меня после занятий остаться и переговорить с ним. Недоумевая, что бы это значило, я занялась своим делом. Часа в 2 дня снова подошел ко мне управляющий и познакомил меня с какой-то дамой, одетой в траур. Разговорившись с новой знакомой, я узнала, что она родная сестра управляющего, что она недавно овдовела и осталась совершенно без средств к существованию, но что теперь, слава Богу, получила хорошее место и завтра поступает на службу. После занятий управляющий подошел ко мне и просил у меня извинения за то, что он был ко мне в последнее время несправедлив и этим доставил мне много огорчений, что к этому побудила его забота о сестре, которую он думал определить на мое место. То же самое высказал мне на другой день и мой хозяин, которому управляющий много наговаривал на меня несправедливостей.

Приходя в эти последние дни к себе в комнату, я тотчас же становилась на молитву и благодарила Господа Бога и Его угодницу Блаженную Ксению за их постоянную и дивную мне помощь. Мало и этого: дня два спустя я получила по почте, неизвестно от кого, посылку, где были различные дамские вещи: суконный костюм, юбка, две ночных шелковых юбки, шляпа, перчатки и т.п., с письмом следующего содержания: «Милая незнакомка, прошу принять посылаемые вещи, они мне не нужны, а вам, наверное, пригодятся. Я знаю ваше тяжелое положение и знаю вообще, как тяжело живется бедным вдовам. Незнакомка». Не зная, как поступить с посылкой, я обратилась за советом к хозяину. Он прочитал письмо и сказал: «Носите с Богом присланные вам вещи и благодарите Госпо-

да за то, что есть на свете добрые люди, которые не забывают людей бедных». Письмо незнакомки осталось у хозяина.

Немало времени прошло уже с тех пор. Я по-прежнему служу у своего доброго хозяина, вполне обеспечена содержанием, со всеми сослуживцами нахожусь в самых дружеских отношениях и вполне счастлива. Дай Бог прожить мне так до самой смерти. И всем этим я обязана молитвам и чудесной помощи рабы Божией Ксении, которую я всегда буду считать великою угодницею.

2-й случай

Г-жа Юлия У. много слышала рассказов о проявлениях молитвенной помощи от рабы Божией Ксении, но не обращала на них особенного внимания. Лет же пять тому назад ей попалась в руки книжка о рабе Божией Ксении. Она внимательно прочитала ее, и рассказы о молитвенной помощи Блаженной Ксении произвели на нее столь сильное впечатление, что она решилась во всех обстоятельствах своей жизни обращаться за помощью к рабе Божией Ксении. И вера ее не осталась тщетной. Вот те случаи, в которых Ю.У. видит несомненную помощь рабы Божией Ксении.

Муж Ю. Димитрий несколько лет подряд пьянствовал. Вследствие этого в семье У. нередко происходили ссоры, шум, крики и вообще неприятности. Долго уговаривала жена своего мужа бросить пьянство и усердно молилась рабе Божией Ксении. Наконец муж опасно заболел и часто впадал в беспамятство. Но не падала духом верующая жена. Она еще усерднее стала молиться рабе Божией Ксении и, когда муж приходил в сознание, просила и его молиться рабе Божией Ксении. И просьба верующей женщины была услышана. Придя однажды в сознание, муж сказал ей: «Молись хорошенько, я даю тебе слово, что, когда выздоровлю, никогда уже капли водки не возьму в рот». Так и случилось. Муж выздоровел; и с тех пор (прошло около пяти лет) ничего не только не пьет, но и других отговаривает от пьянства.

Тому же мужу Ю.У.,– Димитрию У., явилась нужда подыскать себе службу, долго он хлопотал об этом, но все старания его были напрасны. Наконец он решился ехать в соседний город и там поискать себе счастья. Перед отъездом жена уговорила его сходить в церковь и отслужить панихиду по рабе Божией Блаженной Ксении. Уехал муж. И не прошло четырех дней, как жена его получила от него

телеграмму с известием, что он поступил на искомое место.

Спустя месяцев 10 по поступлении на службу Димитрий У. заболел лихорадкой, которая мучила его целый год. Никакое лекарство не помогало. Озабоченная болезнью мужа, жена его решилась съездить в Петербург к Блаженной Ксении. Здесь она отслужила по ней панихиду, взяла с могилки песочку, купила иконку и поясочек. Приехавши домой, она песочек зашила в подушку мужа, иконку повесила на его кровать, а поясочком подпоясала его. И что же? В первую же ночь муж уснул спокойно, лихорадка его не беспокоила; а утром он встал совершенно здоровым. С тех пор прошло уже немало времени, но приступы лихорадки ни разу не возобновлялись.

XIII

СИЛА МОЛИТВЫ МАТЕРИ

Нерехтская мещанка Фелицата Ивановна Трескина с давних пор глубоко чтила рабу Божию Ксению и всегда обращалась к ней с молитвой о помощи во всякого рода несчастиях. И молитва эта не оставалась неуслышанной.

Вот что сообщает г-жа Трескина в письме своем:

— Живу я в городе Нерехте Костромской губернии. Два же сына мои, оба женатые, служат в одной конторе в 40 верстах от города и живут на разных квартирах. В январе 1909 года оба сына обещали приехать навестить меня. Долго и нетерпеливо ждала я их приезда, но они все не приезжали. А тут приближался день памяти рабы Божией Блаженной Ксении. Сердце мое как бы предчувствовало какую-то беду: я только и думала о том, как бы Господь удостоил меня хоть когда-нибудь побывать на могилке Ксении и там помолиться! Но, не имея пока этой возможности, я весь день 23 января ходила со слезами на глазах, непрестанно молясь в душе рабе Божией Ксении о помощи себе и своим детям. Домашние спрашивали меня, что со мной, отчего я плачу, но я ничего им не говорила, а слезы лились сильнее и сильнее. То же самое продолжалось и 24 января. Наконец я не вытерпела, надела пальто и отправилась в собор к вечерне. После вечерни я попросила батюшку отслужить панихиду по рабе Божией Ксении, и тут-то уже я вволю поплакала и помолилась. Несколько успокоенная, я вернулась домой и не успела еще раздеться, как приехали и оба мои сына. С радостью выбежали

мы встречать их. Но, когда они стали раздеваться, я вдруг увидела, что у меньшего сына левая рука забинтована. Спрашиваю: «Что с тобой, отчего у тебя левая рука забинтована?»

«Ну, мама, не пугайся, все хорошо,— отвечал он.— Спасибо тебе, ты, должно быть, сегодня молилась обо мне, и твоя молитва спасла меня от смерти. Вот как было дело. Вчера еще мы с братом сговорились ехать к вам, зная, что у вас праздник, что ты, мама, почитаешь рабу Божию Ксению. Утром я должен был заехать за братом и вместе с ним ехать к вам. Когда я приехал к брату, он еще не был готов и стал собираться в дорогу. Между прочим он выложил из комода револьвер и положил на стол, а сам с женой ушел в другую комнату укладывать какие-то вещи. От нечего делать я взял револьвер, я думал: «Ведь вот какая маленькая штучка, а люди убиваются ею насмерть», при этом приставлял дуло револьвера и к виску и к сердцу, дергая за собачку. Вдруг раздался выстрел. Я страшно перепугался, хотя и не чувствовал никакой боли. Вбегают в комнату испуганные брат и его жена; смотрят — кисть левой руки у меня вся в крови, в правой руке я держу револьвер, сам стою бледный и едва держусь на ногах. Тотчас же они усадили меня на стул, обмыли и перевязали мне руку и послали за доктором. Оказалось, что пуля прострелила мне лишь мягкую часть левой руки между большим и указательным пальцами, нимало не задевши кости. Доктор сделал перевязку, сказал, что все это пустяки и что через несколько дней рука будет совершенно здорова. После перевязки мы с братом тотчас же поехали к вам».

Что я чувствовала во время рассказа сына, я не могу передать: я поняла только, как бывает сильна горячая молитва матери и как отзывчивы угодники Божии на эти молитвы. Дивен Бог во святых Своих!

И детям и внукам я строго завещаю свято чтить память рабы Божией Ксении и не забывать ее в своих нуждах.

XIV

МОЛИТВЕННАЯ ПОМОЩЬ РАБЫ БОЖИЕЙ КСЕНИИ В СУДЕБНОМ ДЕЛЕ

В одной из деревень Вологодской губернии Грязовецкого уезда в 1909 году был сельский сход для решения различного рода сельскохозяйственных вопросов. Долго об-

суждали крестьяне эти вопросы, но ни к какому решению не пришли. Мнения крестьян разделились. И, как это бывает нередко, мало-помалу между собравшимися начались споры, крики, попреки друг другу, и дело кончилось дракой. Во время этой драки крестьянин А.Ив. Крутиков нанес своему соседу крестьянину Прокофьеву столь сильный удар, что сломал ему руку. Сгоряча никто не обратил на это внимания (полагая, что все дело этим и кончится). Но на другой день, когда Крутиков узнал,что Прокофьев болен и лежит в постели, что у него сломана рука, он тотчас же побежал к соседу и стал просить у него прощения. Долго и усердно умолял он Прокофьева забыть это дело и простить его невольный грех. Но Прокофьев слушать не хотел соседа. «Пусть нас разберет суд,— говорил он,— а я тебя простить не могу». Много раз и после этого навещал Крутиков своего соседа, много раз просил его забыть это дело, но Прокофьев не сдавался. Напротив, он выправил докторское свидетельство о своей болезни и подал на Крутикова жалобу Уездному Члену окружного суда. Страшно перепугался Крутиков. Но делать было нечего. Поехал Крутиков в Вологду посоветоваться с адвокатами, как ему быть и что делать. Но не утешили его и адвокаты. Все они говорили ему, что дело его плохо и никак его уже нельзя поправить: придется месяцев шесть просидеть в тюрьме. Вернулся Крутиков из Вологды совершенно удрученный: не ест, не пьет и не может спать. А тут случилось новое горе: произошел пожар, у Крутикова сгорел дом и все его деревенское имущество. Но последнее несчастие как бы пробудило Крутикова. На время он забыл о своем первом горе и деятельно принялся за постройку нового дома. И, пока шла стройка, Крутиков все время был деятелен. Но кончилась стройка, перебрался Крутиков с семьей в новый дом и снова стал думать о своем первом горе. А тут вскоре пришла и повестка от Уездного Члена окружного суда явиться на суд в волостное правление.

Совершенно пал духом Крутиков. «Я,— пишет он,— окончательно уж отбился и от еды и от сна. Все спят семейные, я один не сплю: то плачу, то перекрещусь, суди Господь волю Свою». Однажды вечером Крутиков пришел к себе очень усталый и тотчас же лег спать, но снова поднялись в его душе думы о суде, и он опять никак не мог уснуть. Снова начал он молиться, креститься. Наконец Крутиков не выдержал, встал с постели и пошел развлечься к своему соседу. Оказалось, что к последнему в

этот день приехала в гости из Петербурга одна родственница и привезла много новостей.

Начались всякого рода разговоры. Рассказал гостье и Крутиков о своем горе. «Вот возьми-ка, голубчик,— сказала ему гостья,— эту книжку да прочитай ее хорошенько (причем подала ему книжку о рабе Божией Ксении); я слышала, что Блаженная Ксения многим помогает в горе, вот почитай книжку-то да помолись хорошенько, авось Господь поможет тебе в твоем горе». С радостию ухватился Крутиков за книжку, пришел домой, зажег огонь и всю ночь просидел за книжкой.

«Очень заинтересовала меня эта книжка,— пишет Крутиков,— чем дальше я читал, тем больше и больше мне хотелось знать про Ксению, а описание проявлений милости Божией ко всем нуждающимся, по молитвам рабы Божией Ксении, так на меня подействовало, что я чувствовал, как у меня волосы становились дыбом и мороз ходит по всему организму».

Прочитал Крутиков несколько раз книжку, затушил огонь, перекрестился и к утру лег спать. Но опять не мог уснуть. «Что будет,— думал он,— с моей семьей, если меня осудят в тюрьму? Время настает рабочее, а работник я один; в семье у меня то малый, то старый, пропадет моя семья!» Снова вскочил Крутиков с постели, подошел к божнице и стал молиться о помощи к Блаженной Ксении, обещаясь соорудить ей неугасимую лампаду и всегда свято чтить ей память, если дело его останется без последствий и его не посадят в тюрьму.

И что же случилось? В назначенный день Уездный Член окружного суда приехал на суд в волостное правление. Просителей и подсудимых набралось множество. Сделали всем перекличку: вызвали и Крутикова, и Прокофьева, и их свидетелей; все оказались налицо. Началось разбирательство дел. Много дел рассмотрел судья. Долго тянулось время. В комнате суда стояла страшная духота. Настало время обеда, а дело Крутикова все еще не разбиралось. Тогда Крутиков, желая в последний раз попытаться помириться с Прокофьевым, спросил письмоводителя: «А что, скоро будет разбираться наше дело?» — »Нет, еще не скоро, ваше дело будет разбираться последним»,— сказал письмоводитель. «Так можно нам сходить чайку попить?» С усмешкой, должно быть догадавшись в чем дело, посмотрел письмоводитель на Крутикова и Прокофьева и сказал: «Ну что же, ступайте, пейте чай!» Вышли Крутиков и Прокофьев и свидетели из волостного прав-

ления и пошли в чайную. Дорогой Крутиков, неустанно призывая в молитвах рабу Божию Ксению, снова стал просить Прокофьева покончить дело миром, но Прокофьев не соглашался. Пришли они в чайную, заказали чаю и налили себе по чашке. «Авось либо за чаем помиримся»,— думал Крутиков и снова мысленно просил помочь ему в этом рабу Божию Ксению. Подали чай, налили чашки, и только что Крутиков хотел снова просить Прокофьева о примирении, как бежит волостной сторож и кричит: «Что вы тут, дураки, делаете, ваше дело разбирают, а вы чай пьете; ступайте скорее в суд». Как сумасшедший бросился в суд Крутиков, но ни Прокофьев, ни свидетели не поверили словам сторожа и остались пить чай. Прибежал в суд Крутиков и едва пробрался к судье. А судья уже спрашивает: «Не желаете ли, Крутиков и Прокофьев, покончить дело миром?» — «Точно так, Ваше Благородие, очень желаю»,— ответил Крутиков. «Ну а вы что скажете, Прокофьев?» — «Его нет здесь,— отвечал письмоводитель,— он со свидетелями ушел в трактир чай пить».— «Ах они свиньи этакие, я нарочно из города сюда приехал, чтобы крестьянам меньше расходов было, а они за две версты пришли и не могли дождаться разбора дела,— сказал судья. Затем что-то такое написал в деле и вслух всем объявил: — Дело Прокофьева с Крутиковым оставляется без последствий». Только что он объявил это, является со свидетелями и Прокофьев. «Я здесь»,— говорит он судье. «Пошел вон! — сказал ему судья.— Иди допивай чай. Ваше дело решено уже!» Много смеху было со стороны всех присутствующих над Прокофьевым, но не до смеха было Крутикову: ужас объял его. «Вот,— думал он,— что делает Господь; вот как доходчивы до Господа молитвы угодников Божиих»,— и тотчас побежал домой порадовать свою семью, не зная как благодарить рабу Божию Ксению.

С описанием этой чудесной помощи от рабы Божией Ксении Крутиков прислал деньги на масло к неугасимой лампаде у ее гробницы и усердно просил отслужить по ней панихиду.

XV

ЗАОЧНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ РАБА БОЖИЯ СТЕФАНА

В Кубанской области два года был болен один человек по имени Стефан. Много забот и стараний об его выздоровлении положили его родственники, но ничто не помо-

гло. Услышавши же, что много помогает всем, притекающим к ней с верою, раба Божия Блаженная Ксения, один из родственников больного, почетный гражданин Иван Осипович Андриенко, написал о.настоятелю Смоленского кладбища письмо с усердной просьбой отслужить панихиду по рабе Божией Ксении и в молитвах своих помянуть болящего Стефана. Просьба г-на Андриенко, разумеется, была исполнена, о чем и послано было ему уведомление. Вскоре после этого г-н Андриенко сообщил отцу настоятелю: «Премного Вам благодарен за Ваши молитвы к Господу и к блаженной рабе Божией Ксении и за ее теплую молитву ко Господу: наш больной Стефан по молитве Вашей и рабы Божией Ксении выздоровел, о чем и сообщаю Вам. Он два года был болен, а в настоящее время здрав».

XVI

МОЛИТВЕННАЯ ПОМОЩЬ РАБЫ БОЖИЕЙ КСЕНИИ В ЖИТЕЙСКОМ ДЕЛЕ ОТСТАВНОМУ КОЛЛЕЖСКОМУ СОВЕТНИКУ ФИЛИППУ ИВАНОВИЧУ СОРОКИНУ*

«Два года я возился с одним из своих домашних и хозяйственных дел,— пишет в своем заявлении г-н Сорокин,— и никак не мог добиться успеха и справиться с ним: всегда что-нибудь мешало или чего-нибудь недоставало.

Я постоянно жительствую в городе Киеве. Ныне пред моей поездкой, временно — на несколько дней, в С.-Петербурге, жена моя передала мне, что она узнала от своей знакомой, что помощь и успех в различного рода делах оказывает раба Божия Блаженная Ксения, почивающая в часовне на Смоленском кладбище, в С.-Петербурге.

По прибытии в Петербург я отправился 25 апреля на Смоленское кладбище и здесь, в часовне, по моей просьбе, у гробницы Блаженной Ксении батюшка отслужил панихиду; во время панихиды я усердно молился и просил себе помощи. После этого на другой день, 26 апреля, я легко и свободно, в течение двух часов, окончил то дело, которое никак не мог устроить в течение двух лет. Все совершилось так легко, как будто сила свыше управляла и направляла все дело.

---

* Печатается буквально с заявления Ф. И. Сорокина от 28 апреля 1911 года.

Относя это явное чудо исключительно к промыслу Всевышнего Творца, проявленному по молитвам святой души Блаженной Ксении, я сего 28 апреля вторично явился в часовню Блаженной Ксении молиться и благодарить Господа Бога за Его милости ко мне, грешному.

Не откажите принять от меня серебряную лампаду (стоячую) и 25 руб. на масло, с просьбой, чтобы масло в лампаде горело постоянно в течение целого года на гробнице Блаженной Ксении».

XVII

БЛАГОДАТНАЯ ПОМОЩЬ ПО МОЛИТВАМ БЛАЖЕННОЙ КСЕНИИ

Рассказ А.Смирновой

Однажды весной я возвращалась в Петербург из имения родственницы моей в К-ой губернии.

Ехать приходилось на лошадях по проселочной дороге, и так как пора была весенней бездорожицы, то мне, отъехав верст двадцать от последней станции, за невозможностью следовать далее, по причине разлившейся реки и за поздним временем, пришлось, по совету моего ямщика, прибегнуть к гостеприимству одной барыни, имение которой как раз находилось на нашем пути.

Еще по дороге к усадьбе мой возница пояснил мне, что тут живет барыня, Марья Сергеевна Горева, и что она «очинно набожна и каждого нищего обласкает и примет и без награжденья не отпустит».

Барыня действительно оказалось очень любезной и радушной хозяйкой и, узнав, что я из Петербурга, обрадовалась мне как родной.

Я извинилась за причиняемое беспокойство, но она не хотела и слушать.

— Ах, полноте,— возразила она,— я так рада бываю всегда услышать что-либо о Петербурге вообще, тем более повидаться с особой, которая еще так недавно оттуда. Петербург моя родина,— добавила она с улыбкой, как бы в пояснение своего особенного интереса к этой столице.

Марья Сергеевна Горева была женщина еще молодая и очень красивая. В больших темных глазах ее, в улыбке на полных прекрасных губах было столько привета и ласки, что невольно, без слов, подтверждалось о ней все, что я уже слышала от своего ямщика.

Вся она точно сияла особенным, внутренним светом и,

несмотря на необыкновенную простоту, с какою держала себя, в ней сказывалась какая-то таинственная, но мощная сила и неотразимо влекла к себе с первого взгляда.

После чая мы перешли из столовой в гостиную, и вскоре у нас завязался оживленный разговор. Она с живым интересом расспрашивала меня о Петербурге в самых подробностях.

— Счастливица, вы так скоро увидите Петербург,— сказала она мне вдруг, окинув меня своим грустным взглядом, и при этом глубоко задумалась и точно, казалось, хотела сказать мне о чем-то, но все не решалась.

Меня осенила счастливая мысль:

— Быть может, вы желали бы дать мне какое-нибудь поручение в Петербурге,— сказала я,— так прошу вас, с великим удовольствием исполню его.

В глазах ее засветилась искренняя радость.

— О, пожалуйста,— сказала она,— уж если вы так добры и это не затруднит вас, исполните мою покорнейшую просьбу,— и, встав, она вышла в другую комнату, а через минуту вынесла оттуда несколько золотых в конверте и передала мне.

— Вот,— продолжала она, отдавая конверт,— когда будете в Петербурге, то съездите на Смоленское кладбище, там есть могила рабы Божией Блаженной Ксении: отслужите по ней панихиду, а все остальное раздайте нищим.

— С величайшим удовольствием,— сказала я,— готова исполнить ваше желание, тем более что и сама давно уже собираюсь посетить эту могилу, о которой многое слышала. Но вы, вероятно, имеете особые причины чтить память блаженной Ксении? — спросила я.

— О, да! — ответила она с глубоким чувством и силою убеждения и тихо прибавила: — Дивень Бог во святых Своих! Я испытывала это в моей жизни собственным опытом.

— Если не тайна,— сказала я,— то, быть может, вы расскажете мне какое-нибудь событие из вашей жизни, которое способствовало укрепить в вас такие твердые религиозные убеждения, такую крепкую веру?

— Нет, не тайна,— ответила она мне,— но если бы даже была и тайна, то ради Света истины мы должны жертвовать и нашими тайнами.

Все это было сказано таким твердым и даже несколько строгим голосом, что я ничего ей не возразила и ждала, что она скажет далее.

Между тем Горева встала и прошлась несколько раз по

гостиной, как бы обдумывая что-то; но затем села напротив меня и начала свой рассказ голосом тихим, хотя и взволнованным:

— Родилась я в Петербурге, в купеческой семье. Жили мы сначала очень богато, имели своих лошадей, экипажи, много прислуги и все прочее, доступное богатству. Я воспитывалась в одной из гимназий и была уже в пятом классе, как над нами разразилась беда. Дела батюшки быстро пошли к упадку, и кончилось тем, что однажды к нам в квартиру пришла полиция и описала все наши вещи, не исключая даже и платья; батюшка объявил мне и матушке, что у нас ничего не осталось, что он, благодаря чьему-то мошенничеству потерял в один месяц на бирже триста пятьдесят тысяч рублей в каких-то бумагах и что у нас, кроме долга, нет ничего.

Я в то время еще не сознавала всей важности того, что случилось, но для матушки это был тяжелый удар.

Как сейчас помню, она перекрестилась, глядя на образ, и прошептала: «Твори, Господи, волю Свою!»

И с великим смирением покорилась пред ней; тому же учила и меня: «Никогда, дочка, не падай духом,— говорила она,— как бы ни были тяжки временные испытания; помни всегда конец многострадальнего Иова; мы потеряли лишь деньги, но жить ведь не с ними одними, а с добрыми людьми. Молись Господу, чтобы ОН тебя благословил мужем хорошим да смиренным и паче всего чтобы пьяница не был, да почитай всегда память рабы Божией Блаженной Ксении: она тебе будет великой заступницей».

Почему моя матушка так боялась за пьяницу мужа, я только узнала впоследствии, а в то время не представляла даже себе отчетливо, что такое значит «пьяница», так как у нас в семье не только никто не пил вина, но отцом даже и держать его строго воспрещалось.

Вскоре после нашего разорения батюшка поступил приказчиком в одну из больших торговых фирм и стал получать 60 рублей в месяц.

Жить нам было очень трудно, и мне пришлось выйти из гимназии и поступить кассиршей в тот же магазин, где служил и отец. Тогда наши обстоятельства несколько поправились, но вскоре нас постигло великое горе: матушка моя, прихварывавшая с самого дня несчастия, скоропостижно скончалась от паралича сердца, а через год после нее скончался и батюшка от расширения печени.

Итак, я осталась 17-летней, круглой сиротой и продолжала служить все в том же магазине.

Прошло два года по смерти родителей, и я вышла замуж за своего сослуживца — бухгалтера нашей же фирмы, встретив в нем человека одних убеждений, а главное, одних со мной взглядов на религию, что в особенности нас и сблизило.

Муж мой действительно оказался примерным семьянином и притом добрейшим человеком, и три года после нашей свадьбы пролетели как один светлый и счастливый день.

В это время у меня родилось два сына.

Муж получал хорошее жалованье, так что нужды мы не знали, и счастью, казалось, не было конца, но Господь судил иначе.

Тут Горева глубоко вздохнула и, помолчав немного, продолжала:

— Однажды вечером муж мой, против обыкновения, возвратился домой очень поздно и, войдя в комнату, пошатнулся. Я заметила это, испугалась и, думая, что с ним дурно, подбежала к нему, но в это время он вздохнул, и я почувствовала сильный запах вина. При этом во взгляде моем невольно выразилось изумление, которое муж мой, должно быть, заметил, потому что сейчас же сказал резко и раздражительно, что совсем ему не было свойственно:

— Ну, что ты так смотришь? Что тут удивительного? Ну — выпил, эк, редкость какая; мужчина почти в тридцать лет, взял выпил, какое событие!

— Но,— возразила я на это,— тебе ничего и не говорят.

— Нечего и говорить! И чего ты сидишь до сих пор? Ложись спать!

Легла я, но спать не могла.

Точно огнем обожгла меня мысль: «А что, если это уже начинается!»...

Дело в том, что мой батюшка свекор страшно порой запивал и умер от удара, так что это явление могло быть наследственным. При одной мысли о такой возможности я вся холодела, но, так как выяснить этот вопрос могло только время, то и я решилась терпеливо ждать.

Наутро мой муж встал бледнее обыкновенного, но был, хотя и задумчив, однако, по-прежнему ласков и тих. О вчерашнем не упомянул ни слова; не вспомнила и я.

Прошла неделя, и я уже начала успокоиваться, как вдруг повторилось опять то же самое, только в сильнейшей степени, и с тех пор не стало даже места сомнениям: муж запил — да так, что пил почти без просыпа...

Протянулись несколько ужасных месяцев, почти год.

От службы ему отказали, а у меня в это время родился уже третий ребенок.

С квартиры мы давно переехали и жили все в маленькой комнатке на Песках исключительно тем, что я зарабатывала шитьем белья. Но много ли можно было заработать с тремя малыми детьми на руках!

Нужда, страшная нужда подкралась к нам: мы задолжали и в лавке, и своей квартирной хозяйке уже за два месяца.

Что было делать?

Помню, как раз накануне срока платежа за третий месяц вечером, когда муж мой и дети преспокойно спали, хозяйка явилась ко мне и объявила, что если я завтра не заплачу за квартиру или, по крайней мере, не брошу «пьяницу» мужа, которого она больше держать у себя не желает, то она попросту выгонит всех нас на улицу.

Что я могла ей ответить?

Измученная заботами и трудами, я так ослабела, что чувствовала, что если она хоть что-нибудь скажет еще, то мне сделается дурно: сердце уже начинало усиленно биться, и, скрепя его, я ответила ей:

— Дарья Карповна! Я вас прошу, оставим этот разговор сегодня, а завтра я вам дам ответ.

— Хорошо,— сказала она, вставая, но, отойдя к двери, обернулась еще раз и напомнила мне о своей угрозе.

Лишь только дверь затворилась за ней, как я, посмотрев на портрет своей матери, бессильно уронила голову на руки и горько заплакала.

— Матушка, милая,— как стон вырвались у меня слова,— зачем, зачем ты забыла меня, твою бедную дочку! Помолись за меня, родная! Молитва матери спасает со дна моря. Вразуми, научи, что мне делать! Нет силы, нет возможности больше так жить!..

До последней этой минуты я неотступно, с глубокою верою молила Господа спасти моего мужа от роковой страсти, но Господь как бы не благоволил услышать меня. Но это лишь только казалось, на самом же деле Он, милосердный, по Своему неизменному завету, слышит каждую нашу молитву, но иногда, желая прославить Своих угодников, требует от нас, грешных, чтобы мы прибегали к их заступничеству, и по их, угодным Ему молитвам, исполняются во благих наших желаниях.

Это-то именно и произошло со мною.

После моего воззвания к покойной матушке я хотела приняться за работу, но, измученная и нравственно и фи-

зически, как сидела, так и забылась, склонив свою голову на стол.

Долго ли я пробыла в таком состоянии— не помню, но только вот что случилось со мной в это время.

Я увидела перед собою незнакомого юношу, одетого просто, по-мирскому. Он протянул мне правую руку и повелительно сказал: «Идем!»

Точно невидимая сила подняла меня, и я без возражений последовала за ним. Долго мы шли, совершенно молча, по длинным и темным улицам, но как бы даже не прикасаясь к земле, пока наконец не остановились пред большим садом. Всмотревшись, я заметила сквозь решетку ворот белые кресты, стоявшие, как привидения, среди ночного мрака, и, с ужасом отступая назад, прошептала: «Кладбище!»

— Да, кладбище,— спокойно повторил мой спутник,— много покоится здесь людей праведных, их ли боится раба Божия Мария?

И, не ожидая моего ответа, он крепко сжал правой рукой мою руку, а левой слегка толкнул запертые ворота, которые тихо, без шума, отворились пред нами.

Я заметила среди ночного мрака мерцавший вдали свет и, обрадовавшись, почти крикнула: «Свет!»

— Иди к нему! — сказал мне мой спутник и прибавил: — Давно пора, тебя там ждут,— незаметно исчез, оставив меня совершенно одну.

Мне стало так страшно, что я бегом пустилась бежать по направлению к свету и, добежав уже до самой светлой точки, увидела, что стою пред часовней, из которой исходил свет, подобный синеватому бенгальскому огню.

Всмотревшись, я узнала могилу блаженной Ксении, где бывала еще с матушкой.

Сквозь закрытую дверь было слышно пение: «Вечная память!» Я вошла и увидела свою мать, низко склонившуюся над могильной плитой. Из глаз моей матушки текли слезы в таком изобилии, что вся плита, казалось, плавала в них. Я простерла вперед свои руки и с криком: «Матушка!» — пришла в себя.

Долго не могла я совершенно опомниться от своего видения и, только когда осмотрелась кругом и увидела себя в обычной своей обстановке, немного успокоилась и стала соображать все, что видела. Точно завеса упала с глаз моих. Я живо вспомнила все наставления матери, которые почему-то ни разу не пришли мне в голову в последний год. Точно затмение какое нашло на меня. Я поняла,

что моя матушка молит о мне со слезами Блаженную Ксению, и к тому же самому свету привел и меня мой таинственный спутник. И я решила чем свет отправиться на Смоленское, чтобы отслужить панихиду.

Так я и сделала, оставив детей на мужа, зная, что он проспится и к утру будет трезв.

Когда я подошла к часовне, то мне так живо представилось все ночное видение и моя мать, что я пережила все снова, и, опустившись на колени, простояла всю панихиду – и даже не одну – на том самом месте, где видела и свою мать. После этого я сразу почувствовала, что точно тяжесть какая свалилась с меня, и я с такой облегченной душой возвращалась и так замечталась о пережитой ночи, что не заметила даже, как прошла немалое расстояние от Смоленского кладбища до Песков и вошла на самую улицу нашу. Вдруг недалеко от меня я услышала звон колокольчиков и, подняв голову, увидела, что против нашего дома стоят несколько пожарных частей и доканчивают тушение, уже с последними вспышками угасающего пламени, внутри двора.

При виде такого зрелища я сначала остановилась и замерла, но затем стремительно бросилась вперед и, добежав до пожарных, с раздирающим душу криком: «Дети! Муж!» – хотела пробраться в ворота, но ноги мои подкосились, в глазах потемнело, и я без чувств повалилась на землю.

Когда я пришла в себя, то заметила, что нахожусь в большой светлой комнате с очень богатой обстановкой. У изголовья стоял пожилой господин и держал меня за руку, выслушивая пульс. Увидя, что открыла глаза, он обратился к сидевшей на кресле старушке, одетой в темное шелковое платье, и сказал: «Обморок кончился, опасности больше нет, надо дать успокоительного».

Я между тем очень ясно припомнила о пожаре, и первым моим вопросом было: «Дети и муж?»

– Успокойтесь,– сказала старушка тихим и ласковым голосом,– муж ваш слегка лишь ушибся, а дети все живы и совершенно здоровы. Они здесь, в следующей комнате, и двое из них спят, а старшего вы сейчас увидите.

Но, заметив мое тревожное недоверие, старушка поняла меня и, приветливо улыбнувшись, сказала что-то другой старушке, похожей на старую няню; та тотчас же вышла и через минуту вернулась, держа за руку моего старшего сына, а младших внесли на руках двое слуг.

Увидя своих детей живыми и здоровыми, я перекрестилась и, успокоившись, спросила, где же я нахожусь.

— Вы у меня, в квартире генеральши Л.,— ответила мне старушка в шелковом платье.— Я как раз проезжала к обедне в Александро-Невскую лавру мимо вашего дома, когда раздались крики: «Спасите, дети горят». Я, разумеется, остановилась и, остановив экипаж, подошла ближе к дому. Но детей, слава Богу, как оказалось, двоих спасли уже пожарные из окон, а третьего — ваш муж, но он оборвался и упал, свихнув себе ногу, ребенка же подхватили, и вот я всех тут же и забрала к себе, а после и вас принесли мои слуги, которые там уже вас поджидали. Квартира ваша загорелась у хозяйки в кухне, и менее чем в полчаса все сгорело, так что из вашего имущества ничего не спасли.

— Бог с ним! — прошептала я.— Дети и муж мой живы: слава Создателю за их спасение! Но Боже мой! Сколько же вам, сударыня, беспокойства наделали мы! — обратилась я к старушке.

— Ах, пожалуйста, не думайте об этом,— сказала она.— Квартира у меня большая, стеснить вы меня нисколько не можете, а детей я очень люблю, и с Богом живите у меня, пока вы оба поправитесь и снова устроитесь.

— Но где же находится муж мой?

— Внизу — у меня квартира в два этажа,— пояснила мне генеральша.— Ему делают перевязку, и он очень беспокоился о вашем раннем отсутствии.

— Я объясню вам впоследствии, где провела это утро,— ответила я на вопросительный взгляд генеральши.

На другой же день я встала с постели, но муж пролежал две недели и после еще долго ходил на костылях.

В это время мы ближе познакомились с генеральшей и очень полюбили одна другую.

Она была вдова, добрейшая, святая душа. Когда-то имела детей, но потеряла их в раннем возрасте и с тех пор не могла равнодушно смотреть на ребенка.

Я рассказала ей всю мою жизнь, не скрыла и последнего моего горя, слабости мужа, передала ей и свое видение и где я была в роковое утро.

Выслушав меня, генеральша набожно перекрестилась и глубоко задумалась.

— А знаете что? — сказала она, посмотрев на меня.— Я вижу во всем этом перст Божий. Надо же было случиться пожару в день памяти одного из моих детей, лежащих в Александро-Невской лавре! И вот мне Господь посылает

живых, вместо мертвых, детей, а вам в лице моем — опору в тяжелой судьбе, и нам остается разумно дойти до указанной Господом цели.

Вот что,— сказала она, помолчав,— у меня есть два имения: одно из них — небольшое — находится в N-ской губернии; не поедет ли муж ваш пока как конторщик или старший приказчик; там есть старичок управляющий, я ему напишу. Может быть, он там и поправится!

— Дай Бог, дай Бог,— прошептала я со слезами.

Муж мой с благодарностью принял предложение.

Со дня катастрофы он не пил еще ни одной рюмки, и я со страхом и надеждой ожидала, что будет дальше, призывая в душе рабу Божию Ксению.

Я рассказала ему о своем видении, он сильно побледнел при этом, но не сказал ни слова, а только сам предложил вместе поехать и отслужить еще раз панихиду пред отъездом нашим в деревню, куда мы вскоре и переехали.

Прошло несколько месяцев — муж не пил, прошел и год благополучно, и с тех пор уже восемь лет, а о прошлом не было и помина.

Но я замечала, что муж иногда очень задумывался, как будто его тяготила какая-то тайна или болезнь, и, зная его откровенный характер, я решила, что это болезнь, и, опасаясь последствий, однажды спросила его о причине. Муж страшно смутился и побледнел, встал, несколько раз быстро прошелся по комнате и затем с решительным видом сел против меня и сказал:

— В то утро, когда ты ходила на кладбище, я спал крепким сном, и что-то во сне видел страшное, будто звери какие-то меня окружили; я помню, что крикнул тебя, но ты не пришла, а явилась ко мне незнакомая женщина, с посохом в правой руке. Звери все сразу куда-то исчезли, а она обратилась ко мне и, стуча своим посохом, грозно сказала: «Нет здесь твоей жены, она у меня. Слезы матери ее затопили могилу мою. Брось пить! Встань! Твои дети горят!» И с этими словами она исчезла. Я вскочил, смотрю — тебя нет, дети спокойно спят, и я принял все это за бред моей больной головы, но не прошло и десяти минут после этого, как в кухне раздался отчаянный крик: «Горим!» Я вскочил, как полоумный, не столько от крика, как от страшной мысли о видении. «Дети горят»,— вспомнились мне последние слова грозной женщины. Я схватил детей и бросился с ними в прихожую, но было уже поздно: дверь загоралась, тогда я бросился к окнам; остальное ты знаешь.

Вот почему,— добавил мой муж,— я особенно беспо-

коился знать: где ты была тогда утром, и когда я узнал, то сразу все понял, сотворил мысленно молитву, и с тех пор мне даже думать о вине противно,— заключил он свою исповедь.

Я была страшно поражена этим открытием.

Через год после нашего водворения в деревне умер старичок управляющий, и мужа моего генеральша назначила на его место, но вскоре затем скончалась и сама, моя голубушка, Царство ей Небесное!

При этом воспоминании крупные слезы скатились по щекам рассказчицы; она тяжело вздохнула и продолжала:

— Старушка, с которой я была все время в интимной переписке, по духовному завещанию большое имение в Твой губ. отказала племяннику своему, а это, где мы и сейчас, навсегда закрепила за нами.

И всему, всему этому мы обязаны молитвам Блаженной Ксении да моей матушки. Я узнала из дневника ее, который она оставила и приказала вскрыть не ранее, как исполнится мне 30 лет, что отец мой в своей ранней молодости сильно пил, и что моя матушка чрез это много страдала, пока не научили ее добрые люди прибегнуть к помощи Блаженной Ксении и что после того отец мой вскоре излечился от своей слабости и строго воспрещал даже иметь вино в квартире.

Тогда только я поняла, почему она так боялась за «пьяницу»-мужа и почему советовала прибегать именно к Блаженной Ксении.

Точно чувствовала родительским сердцем, что дочке ее все это придется пережить и испытать собственным опытом!

Вот,— закончила Горева свой рассказ,— причина, почему я особенно свято чту память рабы Божией Ксении и сама все стремлюсь побывать в Петербруге, да не могу никак выбраться; то дела (и сейчас я хозяйничаю одна: муж уехал на месяц в губернский наш город по делу), то дети удерживают, а у меня их немного,— сказала она, улыбаясь,— всего только семь человек; вот завтра представлю вам: пять сыновей и двух дочек.

Когда она окончила свой рассказ, то было уже далеко за полночь.

— Я вас утомила? — сказала она, поднимаясь.

— О, что вы, напротив,— ответила я, тоже вставая,— премного вам благодарна за этот рассказ. Не часто в жизни приходится слышать подобное, и я с нетерпением буду,

как можно скорее, спешить побывать на священной могиле за себя и за вас.

— Благодарю от души,— сказала она, протягивая мне руку на прощанье.

На другой день Горева показала мне все свое хозяйство, находившееся в образцовом порядке, и действительно представила мне семь человек своих детей — от годовалого и до тринадцатилетнего возраста включительно, причем сообщила им, что «это — тетя из Петербурга, где могилки Блаженной Ксении, ваших дедушек и бабушек и генеральши Л.».

Один из мальчуганов, лет пяти, подошел ко мне и бойко спросил:

— А ты была на могилках?

— Нет,— говорю,— милый, еще не была.

— А наша мама была!

— И я побываю непременно, если ты скажешь, где эти могилки.

— На Волковом и на Невском,— ответил он.

— Наши родные,— вмешалась в разговор Горева,— лежат все на Волковом кладбище, а генеральша Л.— в Александро-Невской лавре.

Я обещала и там отслужить панихиды и обо всем написать.

— Благодарю вас от всей души,— сказала она мне, обнимая меня со слезами и целуя на прощанье.— Вы мне так живо напомнили собой мою милую родину Петербург; точно я и сама побывала там,— говорила она, усаживая меня в тарантас.

Отдохнувшие лошади тронулись мелкой рысцой, и я отправилась в объезд другою дорогою, с сожалением покидая гостеприимный кров. И долго было мне видно, что вся семья стояла еще на крыльце, провожая глазами случайную гостью, которая уезжала на их родину, к их священным могилкам, увозя с собою заветное поручение.

XVIII

ИСЦЕЛЕНИЕ АЛЕКСЕЯ ИГНАТЬЕВИЧА А. ОТ ГОЛОВНОЙ БОЛИ

Житель города Воронежа Алексей Игнатьевич А. лет десять страдал сильными головными болями. Много раз он обращался за медицинскою помощью, но все пропи-

сываемые ему докторами лекарства нисколько не облегчали его страданий.

И вот случайно в одном доме ему пришлось прочитать книжку о рабе Божией Ксении. Пораженный описаниями различной молитвенной помощи от Блаженной, он обратился к хозяину книжки с усердной просьбой одолжить ему, если только у него есть, маслица или песочку с могилы рабы Божией Ксении. У хозяина книжки маслица не оказалось, а песочку он одолжил с удовольствием.

Обрадованный Алексей Игнатьевич пришел домой, зашил песочек в чистую тряпочку и, с глубокой верою в Господа Бога и в помощь рабы Божией Ксении, стал ежедневно, начиная с 8 января 1912 года, класть этот песочек себе под подушку. И с этого именно дня головные боли у него прекратились.

Прошли после этого день, два, неделя... о головной боли не было и помина. Не зная как благодарить Господа Бога, благодарный Алексей Игнатьевич поспешил в храм к Воронежскому угоднику Божию Митрофанию и отслужил здесь панихиду по рабе Божией Ксении.

12 февраля 1912 года Алексей Игнатьевич А. написал письмо о.настоятелю Смоленского кладбища, в котором выражал свою глубокую радость по случаю избавления от болезни и усердно просил отслужить панихиду по Блаженной на ее могиле и помянуть в молитвах: многогрешных — исцеленного Алексея и Александру.

XIX

ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ ТЯЖКО БОЛЬНОЙ КСЕНИИ ПО МОЛИТВАМ КСЕНИИ БЛАЖЕННОЙ

В городе Новороссийске в 1911 году была тяжко больная женщина, по имени Ксения. У нее образовался рак груди. Несмотря на помощь различных докторов, болезнь быстро шла вперед. Страдания усиливались с каждым днем. Не видя облегчения от помощи медицины, больная попросила свою знакомую О.В.К. написать о.настоятелю Смоленского кладбища письмо и попросить его отслужить панихиду по рабе Божией Ксении и помянуть в своих молитвах болящую Ксению, а после панихиды прислать масла из лампадки над могилой Блаженной.

Между тем болезнь так усилилась, что надежды на выздоровление, по словам докторов, не оставалось никакой. Мало этого — доктора отказались даже как-нибудь облег-

чить тяжкие страдания. Больная лежала как пласт, не могла ни говорить, ни шевельнуть рукой. Ей давали лишь, поднимая голову вместе с подушкой, глотать лед. По-видимому, наступили ее последние минуты. Так дело и тянулось до 21 июля, когда со Смоленского кладбища получены были письмо с уведомлением, что панихида по рабе Божией Ксении отслужена, и посылка с двумя флаконами масла и горсточкой песку с могилы. Знакомая больной О.В.К. тотчас же песок и один из пузырьков с маслом передала больной, а другой пузырек оставила себе для лечения своей больной ноги. Песок положила она больной под подушку, а маслом из пузырька натерла ей больную грудь. К вечеру натирание маслом повторили и положили больную в постель. И, странное дело, всю ночь больная проспала удивительно спокойно, чего уже давно-давно не было. Утром 22 июля больная попросила у О.В.К. пузырек с маслом и сама уже, сидя в постели, растерла себе грудь. Прошло после этого времени еще дня два-три, и на глазах у всех присутствующих совершилось настоящее чудо: больная встала с постели, прошла спальную, часть коридора и остановилась в дверях столовой, чувствуя еще слабость. А на другой день она уже свободно пришла в столовую, не чувствуя никакой боли в груди...

Все, видевшие Ксению умирающею, никак не могут понять, отчего произошла с ней такая перемена?! В их глазах она является как бы воскресшей из мертвых.

Сообщая об этом, О.В.К. просила от имени исцеленной отслужить панихиду и еще прислать им и масла, и образков, и крестиков с могилы Блаженной.

XX

ПОЗДНЕЙШИЕ, В 1912–1913 ГОДАХ, ЗАЯВЛЕНИЯ О МОЛИТВЕННОЙ ПОМОЩИ РАБЫ БОЖИЕЙ КСЕНИИ

1. Келейница М.И.Сергеева (из г.Елабуги Вятской губ.) в своем письме от 5 октября 1912 года на имя о.настоятеля Смоленского кладбища, между прочим, пишет: «В нашей местности память рабы Божией Ксении особенно чтится народом, так как весьма многие лица, страдавшие различного рода болезнями, после молитвенного обращения за помощью к рабе Божией Ксении получали удивительные исцеления. Так, на моих глазах одна женщина, из селения «Старые Сарали», разбитая параличом и пять месяцев не

могшая встать на ноги, лишь только письменно обратилась с просьбой отслужить панихиду по рабе Божией Ксении и помолиться на ее могиле о своем исцелении, тотчас же, еще ранее получения ответа, что ее просьба исполнена, почувствовала облегчение в своей болезни, встала на ноги и в настоящее время чувствует себя здоровой».

2. Г-жа А.Смелова (Пермской губ.) от 11 января 1913 года, между прочим, пишет: «А у всех моих родных не так давно было столь много горя и разного рода болезней, что мы не знали, что и делать. В это время, совершенно случайно, мы узнали о многократных случаях чудесного проявления молитвенной помощи от рабы Божией Ксении и тотчас же решили обратиться к ней с молитвою. Собрали мы, по силе возможности, копеечки и послали их в часовню рабы Божией Ксении с усердной просьбой отслужить по Блаженной панихиду и помолиться о смягчении нашего горя. И за эти-то копеечки мы получили от Господа Бога, по предстательству за нас рабы Божией Ксении, столь много милостей, что пером невозможно всего выразить. Не буду здесь говорить о других. Скажу о себе. Я, грешница, не умела молиться и не молилась, хотя страдала страшной головной болью, а на душе у меня всегда была тяжелая, невыносимая тоска. Посылая вместе с другими письмо в часовню рабы Божией Ксении, я и не думала о том, что получу какое-либо облегчение или исцеление своих болезней, а потому и не придавала нашей просьбе какого-либо значения. Но, дивное дело, вскоре же после отсылки письма я стала замечать, что головные боли у меня становятся слабее, тоска смягчается, и я становлюсь совершенно другим, не желчным, как раньше, а жизнерадостным человеком. В настоящее время же я совершенно здорова. Ни головных болей, ни тоски нет и в помине. Со стыдом и душевной болью сознаюсь я в своем прежнем слепом и глупом неверии, глубоко скорблю об этом и усердно молю Господа Бога простить мой прежний страшный грех. Теперь я не только глубоко верю, но твердо убеждена и твердо знаю, что мое, и душевное и телесное, исцеление совершилось лишь по сердечной молитве за меня других верующих людей и особенно по предстательству угодницы Божией Блаженной Ксении. Господи, прости меня, грешную!»

3. Г-жа Вера Карповна (Белиловка Киевской губ.) от 20 января 1913 года в письме на имя о.настоятеля кладбища, между прочим, пишет: «Два года тому назад я обращалась к Вам с просьбой помолиться на гробнице у рабы Бо-

жией Ксении о помощи нашему хрошему знакомому Симеону Ок-у. Как я Вам тогда писала, этого г-на, человека, безупречно хорошего и верующего, совершенно невинно, по наговору врагов, уволили со службы. Человек он многосемейный и, кроме жалованья, не имеет никаких средств к существованию. С увольнением от службы страшная беда, горе и бедность грозили и лично ему, и его семейству. Надежды на выход из ужасного положения, по-видимому, не оставалось никакой. Но в это время, случайно, мы прочитали в «Паломнике» сообщение о рабе Божией Ксении и решили обратиться к ней за молитвенной помощью, веря, что Господь не оставит без удовлетворения просьбы Праведницы. Тотчас же поэтому послали мы Вам письмо с вышеуказанной просьбой. И представьте себе наше глубокое удивление, когда мы одновременно с Вашим ответом, что наша просьба исполнена, получили и другое уведомление, что дело С. Ок-а приказано рассмотреть вновь! Начался новый разбор, и дело С. Ок-а сразу приняло счастливый оборот. Г-н Окъ был совершенно оправдан, и ему предоставили, хотя и в другом месте, новое луншее место, где он и служит в настоящее время».

4. Г-жа Вера И. Габбина (из Ташкента), прося усердно отслужить панихиду по рабе Божией Ксении, в письме своем на имя о.настоятеля от 26 января 1913 года пишет, что все ее задушевные желания, моления и просьбы, обращенные ранее к Господу чрез угодницу Божию рабу Божию Ксению, в настоящее время дивным образом исполнились:

а) дочь ее, Валентина, совершенно оправилась от своей болезни и в настоящее время чувствует себя прекрасно;

б) мать ее, Мария, разбитая ранее параличом, теперь тоже поправилась: ходит без посторонней помощи, свободно говорит, и каких-либо признаков болезни на перекошенном ранее от паралича лице не осталось решительно никаких; лишь пальцами руки она еще не совсем хорошо владеет и не может поэтому еще твердо держать в руке вещи. Но, Бог даст, и это скоро пройдет;

в) все ее любящие друг друга родные до настоящего времени были рассеяны по разным углам Туркестана и почти никогда не виделись друг с другом. Все они об этом очень скорбели и молили Господа Бога чрез предстательство рабы Божией Ксении, о соединении их всех в одном месте. И, дивное дело, в конце 1912 года, именно к празднику Рождества Христова, обстоятельства сложились

так, что все родственники Веры И.Габбиной съехались в один город и все они стали жить теперь одной тесной, дружественной семьей.

ПОИСТИНЕ, ДИВЕН БОГ ВО СВЯТЫХ СВОИХ!

Множество и других замечательных случаев проявления молитвенной помощи рабой Божией Ксенией передается из уст в уста между посетителями ее могилы. К сожалению, все эти случаи не проверены и не записаны, а потому пока и не могут быть опубликованы для всеобщего сведения.

Слух о множестве случаев молитвенного предстательства рабы Божией Ксении широко разнесся не только по Петербургу, но и по всей России, по самым отдаленным ее окраинам. Сотни писем получаются отовсюду – и из Сибири, и с Кавказа, и из Западного Края, и из внутренних губерний России,– с просьбой помолиться на могилке рабы Божией Ксении об избавлении от какого-либо горя, несчастия. Тысячи посетителей ежедневно перебывают в часовне Блаженной. И сколько здесь выплакано горя, сколько пролито горячих слез и горячих молитв?! И сколько осушено этих слез, сколько людей вышло отсюда успокоенных, утешенных?!

Больше сотни лет прошло уже со дня смерти Блаженной. Много людей похоронено за это время на Смоленском кладбище, много среди них похоронено людей некогда знаменитых – художников, артистов, администраторов, военных героев, лиц духовных. Но многие ли из них так же известны и теперь, как они были известны и славны при жизни? Нет, большинство из них совершенно забыты, могилы их нередко заросли сорной травой, некогда богатые надмогильные памятники развалились, уже нет любящей руки, которая бы поддержала это разрушение (например, могилы художников – Шебуева, Козловского и др.), а могилы некоторых из них совершенно затерялись и разыскать их уже нет возможности (напр., могилы писателей Тредьяковского, Княжнина, Бенедиктова, художника Левицкого и др.).

Не то мы видим относительно рабы Божией Ксении. Некогда жалкая надмогильная насыпь над ее прахом покрыта в настоящее время богатым мраморным надгробием, а над надгробием этим усердием почитателей воздвигнута прекрасная, обширная часовня, украшенная внутри мраморным иконостасом и множеством икон, да-

ром благодарных сердец. На могилку эту идут и бедный и богатый, и знатный и убогий, и простой необразованный мужичок и муж науки, и скромный послушник и смиренный архипастырь, и рядовой солдат и знаменитый генерал, и учащие и учащиеся.

И все они — в умилении души и в сокрушении средца пред величием земного подвига Блаженной и пред ее николиже отпадающей любовию по смерти — просят ее помощи и заступничества в своих нуждах, горе, несчастии...

И чем дальше идет время после смерти Блаженной, тем шире и шире разносится молва о необычайных проявлениях любви и милосердия Блаженной ко всем с любовью и верой прибегающим к ней.

Вот почему ежедневно, с утра и до вечера, почти непрерывно, служатся в часовне Ксении панихиды об ее упокоении в райских обителях.

Много горя, много нужды на белом свете. Много горя и нужды таких, которые неисцелимы силами человеческими. Для исцеления этих нужд необходимы силы сверхчеловеческие, необходимы силы Божественные. И, благодарение Господу, есть еще на Руси святой угодники Божии, есть великие молитвенники за нас перед Богом, всегда готовые прийти на помощь каждому горю, каждой нужде и всякому несчастию. Нужно лишь нам самим полюбить этих угодников, нужно верить в них и усиленно просить их ходатайства, и они не замедлят откликнуться на наш зов, они сумеют утолить наши нужды и печали.

К числу-то таких угодников, ходатайство которых велико перед Богом, принадлежит и раба Божия Ксения. Свет христианской любви, возженный ею в себе самой при жизни, сильнее и сильнее начинает светить из могилы.

«КТО МЕНЯ ЗНАЛ, ДА ПОМЯНЕТ МОЮ ДУШУ ДЛЯ СПАСЕНИЯ СВОЕЙ ДУШИ. АМИНЬ» — вот завет, который дает всем нам Блаженная из своего гроба.

КОММЕНТАРИИ К ЖИТИЮ СВЯТОЙ БЛАЖЕННОЙ КСЕНИИ

1. Современные исследователи А.А.Бовкало и А.К.Галкин сумели точно установить, где находится этот дом — на углу Петровской или улицы Андрея Петрова (ныне Лахтинской) и Большого проспекта Петроградской стороны. Ныне на этом месте — сквер.

2. Смоленское кладбище широко известно и в настоящее время. Расположено на Васильевском острове С.-Пе-

тербурга. Вот уже в течение двух с половиной веков служит местом вечного упокоения знаменитых деятелей культуры, искусства, науки.

3. Наиболее раннее упоминание об одной из Крапивиных – у В.Г.Рубана (Спб., 1778): «...Ириной звали ее, в супружестве была за петербургским купцом Василием Крапивиным 18 лет 44 дня; от роду имела 34 года 11 месяцев 16 дней; к несказанной же моей и вашей печали разлучилась с вами, оставя мир вам и благословение, 1777 г., марта 30 дня, пополудни в 7 часов. Молите за меня Бога».

Как знать, быть может, это та купчиха, о которой Блаженная Ксения сказала: «Вот зелена крапива, а скоро, скоро завянет».

Нередки упоминания в архивных документах и о других Крапивиных – фамилия эта была в городе известной.

4. Петербургский некрополь (I, т.I, с.77) свидетельствует, что на Смоленском кладбище был погребен действительный статский советник Андрей Иванович Антонов. Это имя фигурирует в адресной книге на 1809 год в разделе «чиновники» – он служил в Экспедиции заготовления бумаг для государственных ассигнований – так и в разделе «владельцы домов».

5. Год смерти Евдокии Денисьевны Гайдуковой, урожденной Беляевой, установлен исследователем Д.Булгаковским. Она скончалась в возрасте 91 года. В петербургских справочниках упоминаются также фамилии ее брата, регистратора Петра Денисовича Беляева, коллежского советника, и сестры Е.Д.Гайдуковой.

АКАФИСТ СВЯТОЙ БЛАЖЕННОЙ КСЕНИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ

КОНДАК 1

Избранная угодница и Христа ради юродивая святая блаженная мати Ксения, избравшая подвиг терпения и злострадания, хвалебное пение приносим ти чтущия святую память твою. Ты же заступи нас от враг видимых и невидимых да зовем ти: Радуйся, Ксения блаженная, молитвенница о душах наших.

ИКОС 1

Равноангельского жития взыскала еси, блаженная мати, по успении мужа твоего отвергла еси мира сего красоту и вся яже в нем: похоть очес, похоть плоти и гордость житейскую, юродством разум Христов стяжала еси. Того ради услыши нас похвалы, тебе возносимые:

Радуйся, житием твоим Андрею, Христа ради юродивому равная.

Радуйся, имени своего отрекшаяся, себя же умершей именовавшая.

Радуйся, в юродстве имя мужа твоего Андрея принявшая.

Радуйся, именем мужеским назвавшись, немощи женской отрешившаяся.

Радуйся, все имение твое добрым людям и нищим раздавшая.

Радуйся, нищету добровольную Христа ради приявшая.

Радуйся, века сего суемудрия юродством твоим отвергатися нас научившая.

Радуйся, благая утешительнице всех в молитве к тебе прибегающих.

Радуйся, Ксения блаженная, молитвенница о душах наших.

КОНДАК 2

Видя странное твое житие, яко ты презрела еси дом свой и всякое мирское богатство, родные по плоти безум-

ной тя полагаху, людие же града Петрова, видя смирение твое, нестяжание и вольную нищету, воспели Богу: Аллилуиа.

ИКОС 2

Разум от Бога тебе данный ты, Ксения блаженная, в мнимом безумии скрыла еси; в суете града великого аки пустынница жила еси, молитвы Богу свои вознося непрестанно. Мы же дивяшеся таковому житию твоему, взываем тебе хвалебно:

Радуйся, крест тяжкий юродства, от Бога тебе данный, на рама своя принявшая.

Радуйся, мнимым безумием сияние благодати скрывавшая.

Радуйся, дар прозорливости смирением крайним и подвигом молитвы стяжавшая.

Радуйся, дар сей на пользу и спасение страждущих являвшая.

Радуйся, страдания людския прозорливо в дали необозримей зревшая.

Радуйся, жене доброй о рождении сына прорекшая.

Радуйся, яко жене той у Бога чадо испросившая.

Радуйся, всех к Богу в молитве прибегати научившая.

Радуйся, Ксения блаженная, молитвенница о душах наших.

КОНДАК 3

Силою свыше, от Бога тебе дарованной, зной и люту стужу мужественно претерпевала еси, распиная плоть свою со страстьми и похотьми. Тем же Духом Святым просвещаемая, взывала непрестанно Богу: Аллилуиа.

ИКОС 3

Имея, о блаженная, небо покровом себе, землю же ложем своим, отвергла еси плотоугодие Царства Божия ради. Мы же зряще таковое твое житие со умилением зовем ти:

Радуйся, жилище свое земное людям отдавшая.

Радуйся, Небесного крова взыскавшая и получившая.

Радуйся, ничто еж земное имущая, а всех духовно богатящая.

Радуйся, житием своим терпению нас научающая.

Радуйся, любовь Божию людям показующая.
Радуйся, плодами благочестия украшенная.
Радуйся, терпение и незлобие миру явившая.
Радуйся, теплая предстательница наша пред Престолом Всевышнего.
Радуйся, Ксения блаженная, молитвенница о душах наших.

КОНДАК 4

Бурю житейскую во граде Петрове мятущуюся кротостию и незлобием преодолела еси, блаженная мати, бесстрастие же к тленному миру стяжала еси. Тем же и поеши Богу: Аллилуиа.

ИКОС 4

Слыша о тебе, яко ты, злостражда Христа ради, скорбных утешаеши, немощных укрепляеши, заблудших на путь правый наставляеши, людие страждущия к помощи твоей прибегаху, воспевающе тебе:
Радуйся, путь Христов всем сердцем возлюбившая.
Радуйся, Крест Христов радостно понесшая.
Радуйся, всякое поношение от мира, плоти и диавола претерпевшая.
Радуйся, даров Божиих преисполненная.
Радуйся, любовь к ближним явившая.
Радуйся, страждущим людям утешение подававшая.
Радуйся, слезу плачущих отиравшая.
Радуйся, благодатию Духа Святого чудесно согреваемая.
Радуйся, Ксения блаженная, молитвенница о душах наших.

КОНДАК 5

Боготечной звездой явилася святость твоя, Ксения блаженная, осветившая небосклон града Петрова. Уже бо людем, гибнущим в безумии греха, ты явила путь спасения, всех к покаянию призывая, во еже вопити Богу: Аллилуиа.

ИКОС 5

Видя подвиги твоя в молитве, терпении хлада и зноя,

благочестивые люди пытахуся умалити страдания твоя одежду тебе и пищу приносяще. ты же вся сия нищим раздавала еси, желая подвиг свой сохранити. Мы же дивяся вольней нищите твоей взываем ти сице:

Радуйся, зной и стужу Христа ради добровольно терпевшая.

Радуйся, в молитве непрестанно пребывавшая.

Радуйся, град Петров всенощным бдением от бед ограждавшая.

Радуйся, гнев Божий многажды от него отвращавшая.

Радуйся, во все дни года ночами в поле молившаяся.

Радуйся, сладость райскую в нищете духовной вкусившая.

Радуйся, яко в сладости сей вся земная оставившая.

Радуйся, яко вся в Боге пребывавшая.

Радуйся, Ксения блаженная, молитвенница о душах наших.

КОНДАК 6

Проповедуют святость жития твоего, богоблаженная, вси избавленнии тобой от многоразличных болезней, бед и скорбей, богатии и убозии, старцы и юныя. Тем же и мы, прославляюще тя, Богу вопием: Аллилуиа.

ИКОС 6

Воссияла слава подвигов твоих, блаженная мати, егда ты нощию строителям церкви Смоленской камни тайно носила еси, облегчая труды делателей церковных. Сия ведуще и мы грешнии зовем ти таковая:

Радуйся, тайно творити добродетели нас научающая.

Радуйся, к подвигам благочестия всех призываюшая.

Радуйся, строителям храмов Божиих помогающая.

Радуйся, святость церковную возлюбившая.

Радуйся, труды наши на пути спасения облегчающая.

Радуйся, к тебе прибегающих скорая помощница.

Радуйся, всем скорбящим благая утешительница.

Радуйся, града Петрова небесная заступница.

Радуйся, Ксения блаженная, молитвенница о душах наших.

КОНДАК 7

Хотя избавити от скорби плачущаго врача, жену хоро-

нившего, ты повелела некоей девице на Охту бежати и тамо мужа себе обрести и утешити. И совершишася тако, якоже ты рекла еси. Они же в радости воспеша Богу: Аллилуиа.

ИКОС 7

Новое чудо в молитве своей показала еси ты, блаженная мати, егда рекла еси жене благочестивой: «Возьми пятак, потухнет». Сим прорекла ей о пожаре дома ея. И по молитве твоей пламень огня угасе. Мы же ведяще сия вопием ти похвальная:

Радуйся, скорби людские угашающая.

Радуйся, дерзновение пред Богом за страждущих явившая.

Радуйся, свеча неугасимая в молитвах к Богу ярко горящая.

Радуйся, предстательница наша в бедах и напастях.

Радуйся, страстьми одержимых от гибели спасающая.

Радуйся, благочестивых дев от брака неверного отвращающая.

Радуйся, клеветою уязвленных от отчаяния избавляющая.

Радуйся, на суде неправедном скорая защитница.

Радуйся, Ксения блаженная, молитвенница о душах наших.

КОНДАК 8

Странницей бездомной прошла еси путь жизни твоей в стольном граде отечества нашего, в велицем терпении скорби и поношения неся. ныне же в горнем Иерусалиме пребывая, в радости поеши Богу: Аллилуиа.

ИКОС 8

Всем вся была еси, Ксения блаженная: скорбящим утешение, немощным покрове и защищение, печальным радование, нишим одеяние, болящим исцеление. Сего ради и вопием тебе:

Радуйся, в горних обителях пребывающая.

Радуйся, о нас грешных тамо молящаяся.

Радуйся, благий образ служения Богу явившая.

Радуйся, униженных и гонимых покровительница.

Радуйся, православный люд молитвами твоими заступающая.

Радуйся, обидимых и молящихся тебе защищающая.
Радуйся, обидящих вразумляющая.
Радуйся, неверных и глумителей посрамляющая.
Радуйся, Ксения блаженная, молитвенница о душах наших.

КОНДАК 9

Всякия претерпела еси болезни, блаженная мати, нищету телесную, глад и жажду, еще же и поношение от людей беззаконных, иже мняху тя безумной быти. ты же Господу моляся, выну взывала Ему: Аллилуиа.

ИКОС 9

Вития многовещанныя не могут разумети, како ты безумием своим безумие мира сего обличила еси и немощию своею посрамила еси крепкия и мудрыя. Не ведают бо в тя Божией силы и Божией премудрости. Мы же помощь твою получившия поем ти таковая:
Радуйся, Божественного Духа носительница.
Радуйся, со апостолом Павлом немощию совею хвалившаяся.
Радуйся, мнимым безумием своим мир обличившая.
Радуйся, красоту века сего спасения ради отвергшая.
Радуйся, небесная блага всем сердцем возлюбившая.
Радуйся, на путь спасения нас призывающая.
Радуйся, во грехе пьянства грозная обличительница.
Радуйся, безмездным врачом и милостивым всем бывшая.
Радуйся, Ксения блаженная, молитвенница о душах наших.

КОНДАК 10

Хотя спасти душу ты плоть твою со страстьми и похотьми распяла еси и невозвратно себя отвергши, крест свой на рама своя возложила еси и Христу всем сердцем последовала еси, поя Ему: Аллилуиа.

ИКОС 10

Стена еси твердая и прибежище необоримое явилась молящимся тебе, мати Ксения. Тем же заступай и нас от враг видимых и невидимых молитвами твоими, да зовем ти:

Радуйся, на труд духовный нас воздвигающая.
Радуйся, от сетей вражиих нас избавляющая.
Радуйся, фимиам кадильный Богу приносимый.
Радуйся, мир Божиий в сердца людей приносящая.
Радуйся, дух злобы в сердцах озлобленных угашающая.
Радуйся, детям благим благословение подающая.
Радуйся, тайною молитвою их от болезней исцеляющая.
Радуйся, миру озлобленному мудрость Божию явившая.
Радуйся, Ксения блаженная, молитвенница о душах наших.

КОНДАК 11

Пение хвалебное приносят ти, Ксения блаженная, спасшиеся твоими молитвами от бед и скорбей и всяких напастей и купно с тобою радостно поют Богу: Аллилуиа.

ИКОС 11

Светозарным светом явилось житие твое, святая мати, во мраке жития сего освещающим люди. Ты бо падших из тины греха избавила еси, и к свету Христову направила путь их. Тем же и зовем ти:
Радуйся, православных людей Божиим светом просвещающая.
Радуйся, Христова угодница, в мире надмирно пожившая.
Радуйся, труды многими великую благодать стяжавшая.
Радуйся, во тьме греха благодатию Божиею сиявшая.
Радуйся, отчаявшимся на пути спасения руку помощи подающая.
Радуйся, немощных в вере укрепляющая.
Радуйся, духов злобы посрамляющая.
Радуйся, житием своим ангелов удивившая.
Радуйся, Ксения блаженная, молитвенница о душах наших.

КОНДАК 12

Благодать обильно источаеши, Ксения блаженная, на чтущих память твою и прибегающих к покрову твоему.

Тем же и нам, тебе молящимся, источи от Бога струи исцеления, да зовем Ему: Аллилуиа.

ИКОС 12

Поюще многая чудеса твоя, блаженная мати, восхваляем тя и всеусердно молим: не остави нас, грешных, в скорбных обстояниях, но умоли Господа сил, да не отпадем от веры нашея Православныя, в Нем же тобою утверждаеми зовем ти:

Радуйся, сострадати страждущим нас научающая.

Радуйся, немощи наша всеусердно врачующая.

Радуйся, распинати плоть со страстьми и похотьми научающая.

Радуйся, о чтущих память твою ходатаица и покровительнице.

Радуйся, скорбный путь прошедшая.

Радуйся, спасение вечное сим улучившая.

Радуйся, ко гробу твоему притекающим отраду подающая.

Радуйся, о спасении Отечества нашего присно ходатайствующая.

Радуйся, Ксения блаженная, молитвенница о душах наших.

КОНДАК 13

О, святая блаженная мати Ксение, в житии твоем крест тяжкий понесшая. Приими от нас, грешных, моление сие к тебе приносимое. Огради нас молитвами твоими от наветов духов тьмы и всех мыслящих нам злая. Умоли Всещедрого Бога подати нам силу и крепость, да кийждо от нас возмет крест свой и вослед Христу градет, поя Ему с тобою: Аллилуиа.

Сей кондак читается трижды, затем Икос 1 и Кондак 1.

МОЛИТВА СВЯТОЙ БЛАЖЕННОЙ МАТЕРИ КСЕНИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ

О, святая всеблаженная мати Ксение! Под кровом Всевышняго жившая, ведомая и укрепляемая Богоматерью, голод и жажду, холод и зной, поношения и гонения претерпевшая, дар прозорливости и чудотворения от Бога получила еси и под сенью Всемогущего покоишися. ныне святая Церковь, яко благоуханный цвет, прославляет тя. Предстояще на месте твоего погребения, пред образом твоим святым, яко живей ти, сущей с нами, молимся ти: приими прошения наша и принеси их ко Престолу Милосерднаго Отца Небесного, яко дерзновение к Нему имущая, испроси притекающим к тебе вечное спасение, на благая дела и начинания наша щедро благословение, от всяких бед и скорбей избавление. Предстани святыми твоими молитвами пред Всемилостивым Спасителем нашим о нас, недостойных и грешных. Помози, святая блаженная мати Ксение, младенцы светом Святого Крещения озарити и печатию дара Духа Святаго запечатлети, отроки и отроковицы в вере, честности, богобоязненности воспитати и успехи в учении им даровати; болящия и недугующия исцели, семейным любовь и согласие ниспосли, монашествующих подвигом добрым подвизатися удостой, от поношений огради, пастыри в крепости Духа Святаго утверди, народ и страну нашу в мире и безмятежии сохрани, о лишенных в предсмертный час причащения Святых Христовых Таин умоли. Ты наша надежда и упование, скорое услышание и избавление, тебе благодарение воссылаем и с тобою славим Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков. Аминь.

42

